Ветеран-Ракетчик

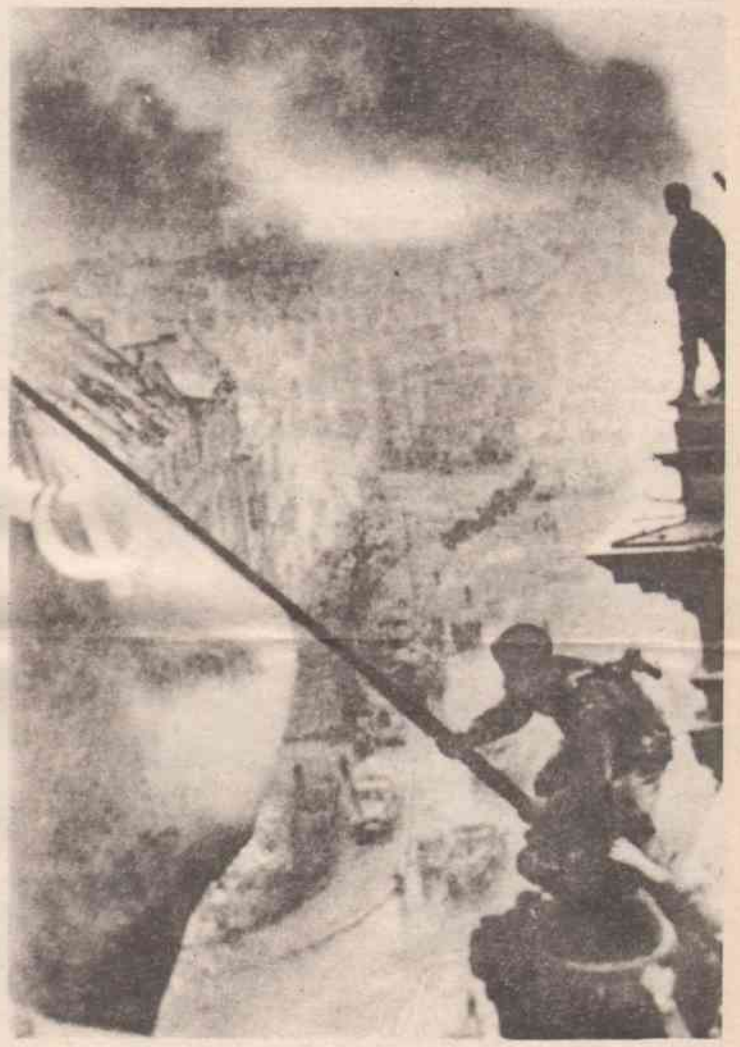
Информационный вестник Совета Союза ветеранов-ракетчиков

№ 3-4

9 мая 1995 г.

С 50-летием ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ!

ВЕТЕРАНАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ВЕТЕРАНАМ ТРУДА И ВООРУЖЕННЫХ СИЛ, СОЛДАТАМ, СЕРЖАНТАМ, ОФИЦЕРАМ И ГЕНЕРАЛАМ РАКЕТНЫХ ВОЙСК СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ



50 лет назад свершилось величайшее событие в истории нашего Отечества — Советская Армия спасла, защитила народ от фашистского порабощения, отстояла честь и независимость Родины. Завоеванная ценой огромных жертв, беспримерных лишений, самоотверженного труда и ратного подвига наша Великая Победа навсегда останется в памяти, как яркий символ несгибаемого патриотического духа, дружбы народов, верности воинскому долгу и Отчизне.

Вечная слава героям, павшим за свободу и благополучие будущих поколений.

Вечная слава тем, кто в тылу, превозмогая голод, холод, боль от гибели близких, отдавал свой труд, сбережения, тепло сердец обеспечению Победы.

Нормами взаимоотношений между нашими людьми в годы войны, источниками духовной народной крепости были вера в свои силы, в правоту нашего общего дела, взаимовыручка, преданность родной Отчизне, межнациональное братство. Забыть ныне уроки войны — значит предать и самих себя, и тех, кто покоится в родной и чужой земле. Забыть — значит оставить молодое поколение без памяти, без опыта, добытого столь дорогой ценой.

Наша общая забота — сохранить героические боевые традиции фронтовиков Великой Отечественной войны и приумножать их в повседневной войсковой практике и буднях боевой службы. Ракетчики в трудных условиях глубокого реформирования общества и армии, обострения межнациональных противоречий и конфликтов сохраняют выдержку, сплоченность и организованность, остаются надежным гарантом международной стабильности и военной безопасности России.

В дни 50-летия Великой Победы мы еще раз подтверждаем наше безграничное уважение к ветеранам войны, с благодарностью помним и всегда будем помнить о великом ратном свершении старших поколений во имя и во благо Родины. Эстафета верности Отечеству, эстафета воинской чести и доблести должна оставаться и впредь в надежных руках.

Военный совет Ракетных войск горячо поздравляет ветеранов, весь личный состав наших войск с большим всенародным праздником — 50-летием со дня Победы в Великой Отечественной войне и желает всем здоровья, бодрости, оптимизма, благополучия в жизни, успехов в труде и службе.

Председатель Военного совета РВСН—
Главнокомандующий Ракетными войсками
стратегического назначения
генерал-полковник И. СЕРГЕЕВ

8 мая 1995 г.

ВЕТЕРАНАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВЕТЕРАНАМ-РАКЕТЧИКАМ НЫНЕШНЕМУ ПОКОЛЕНИЮ РАКЕТЧИКОВ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вот и пришел на нашу землю славный полувековой юбилей Победы, одержанной народами великой страны в беспримерно тяжелой Отечественной войне.

Пятьдесят лет назад перед всем миром гордо предстал советский солдат со спасенной им девочкой на руках и мечом, еще не остывшим от боя за справедливость и правду. Вместе с союзниками по общей борьбе он сокрушил очаг зла и варварства на планете, и тем обессмертил себя. На рейхстаге первым расписался наш воин. Этот автограф проступает алым росчерком нашей Победы над гитлеровским фашизмом, символом того, что главным ее творцом стал наш народ и его армия.

Прошли полвека, пройдут века, но май 1945 года никем и никогда не будет ни забыт, ни обесчещен. Навсегда в памяти истории, как ярчайшие свидетельства стального мужества наших войск и доказательства их боевого мастерства, остались легендарные названия небывалых по размаху битв и операций: Московская, Сталинградская, Курская, Корсунь-Шевченковская, Белорусская, Висло-Одерская, Берлинская . . .

Дорого, безмерно дорого обошлось нашему народу немецко-фашистское нашествие и борьба с ним. Каждый шаг войны обагрен кровью и отмечен миллионами могил на обочинах ее дорог. Но каждый час, каждый день и год Великой Отечественной войны — это не только утраты. Это яркая летопись о благородном подвиге во имя свободы Родины, во имя освобождения жертв агрессора.

События и опыт Великой Отечественной войны неотмирающими нервными волокнами прорастают во плоти и духе сегодняшнего российского воинства. Многое с памятью о той войне связано и в Ракетных войсках стратегического назначения. Об этом — в материалах номера нашей газеты, который вы держите в руках.

Защита Отечества, укрепление обороноспособности страны остаются важнейшей функцией Вооруженных Сил. Время меняет караулы. Сегодня на боевых постах у грозного ракетно-ядерного щита Родины стоят сыновья, внуки и правнуки героев Великой Отечественной войны. В день славного юбилея ветераны шлют им горячий боевой привет, сердечные поздравления со всенародным праздником 50-летия Победы! Пусть, пройдя уже полвека, вновь перейдет в умелые и твердые молодые руки эстафета чести и достоинства защитников родной земли, столь убедительно проявившая себя в годы минувшей войны.

С праздником, дорогие ветераны — боевые соратники и однополчане!

С праздником, дорогие соотечественники, молодые и уже зрелые, на чьих плечах сегодня — безопасность Отчизны!

Совет Союза ветеранов-ракетчиков

8 мая 1995 г.

ФРОНТОВИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ — ВЕТЕРАНЫ РВСН ВСПОМИНАЮТ

МОЙ СКРОМНЫЙ ВКЛАД В ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ

Герой Советского Союза
Константин Иосифович МОЛОНЕНКОВ,
генерал-майор
в отставке

В ходе Восточно-Померанской операции к марту сорок пятого наши части подошли к Штаргарду. Здесь меня, командира батареи 152-мм гаубиц-пушек, вызвал командир дивизиона майор Минаев и, как ему было свойственно, немногословно поставил задачу: батарее войти в состав штурмовой группы 1069 сп, наступающего в первом эшелоне 311 сд, и стрельбой прямой наводкой уничтожать огневые точки противника, укрытые в мощных каменных и бетонных сооружениях населенных пунктов на всем протяжении наступления полка. Снарядов не жалеть — подвоз обеспечим. Людей и технику беречь. «Связывайтесь с командиром 2-го батальона — командиром штурмовой группы и приступайте к работе», — завершил постановку задачи мой командир и поднялся. Обняв меня и сказав: «Успехов вам», вышел из землянки.

Командир батальона, капитан, примерно мой одногодок, обрадовался усилению батальона моей батареей, но предупредил, что людей в батальоне лишь чуть больше половины комплекта, а орудия придется передвигать на руках. Когда я ему сказал, что одно орудие весит свыше семи тонн, и всего батальона не хватит, чтобы его катать, он, не смутившись, ответил: «Это хуже, но все равно у меня все надежды на артиллеристов. Пошли на местность, укажу задачу».

По завершении работы в батальоне нас вызвал командир полка подполковник Хаббибулин, Герой Советского Союза. Он более подробно изложил задачи артиллерии поддержки штурмовой группы на всех этапах ее действий, подчеркнув при этом, что действовать придется все время в зоне всех видов огня противника.

Я хорошо уяснил, насколько сложна и ответственна задача батареи. Полк наступал на главном направлении дивизии, и его успех зависел от результатов действий 2-го батальона, усиленного артиллерией, танками, минометами, огнеметами и саперами. Главная роль при штурме укреплений обороны противника будет, безусловно, за артиллерией. Подчеркивая роль и место моей батареи, командир полка сказал: «Вы будете командующим артиллерией штурмовой группы». Меня больше всего волновал вопрос перемещения орудий в ходе наступления батальона. Ведь наши трактора ЧТЗ-65 были абсолютно не защищены от пуль и осколков. Эта озабоченность охватила весь личный состав батареи. Нужда заставила всех напряженно думать и действовать по пословице «голь на выдумки хитра». Место водителя и другие наиболее уязвимые агрегаты трактора батарейцы прикрыли бронещитами, снятыми с подбитого немецкого бронетранспортера. Это хоть как-то защищало водителя-тракториста. В ходе наступления мы придумали: орудие на новую позицию не тянуть за тягачом, а толкать его стволом вперед. Это упрощало маневры и сокращало время на подготовку орудия к стрельбе. Перемещались, в основном, перекатами — одно орудие ведет огонь, а второе в это время перемещается. Действия моей батареи оказались эффективными, и это определяло успех выполнения задачи штурмовой группы. Но и сложностей было немало.

С переходом батальона после артподготовки в атаку минометная батарея противника поставила мощный заградогонь перед правым флангом батальона. Пехота залегла. Цели не видно. Посмотрев на карту и определив направление стрельбы противника, я запросил соседний КП, с которого местность просматривалась лучше. Сопоставив все данные, подготовил исходные установки и передал команду на батарею. Огневым налетом батареи цель была подавлена. Наступление батальона продолжалось.

При подходе штурмовой группы к городской площади Хенкендорфа со всех оконных проемов мощного сооружения кирки и прилегающих к ней домов противник открыл ураганный огонь. Распределив между артиллеристами огневые точки в домах, я выкатил свои орудия на скрытую для противника позицию, и прицельным огнем по амбразурам кирки огонь был подавлен. Более того, тяжелые снаряды гаубиц-пушек, точно посланные наводчиками в окна и амбразуры, разрывались внутри сооружения и разрушали его как укрытие. И так мы действовали от дома к дому, от квартала к кварталу, от города к городу.

Пройдя Хенкендорф, вдруг увидели бронепоезд, открывший огонь из пушек и пулеметов по нашей пехоте. А от соседней деревни появилась большая группа гитлеровцев, устремившаяся в контратаку против нашего батальона. Командир полка строго требует немедленно бронепоезд «побить» или «отогнать». Создалась критическая обстановка. Судьбу штурмовой группы решали минуты. Приказываю всем средствам вести огонь по контратакующей пехоте, а своей батарее — по бронепоезду. Через минуту-другую наши снаряды уже рвались у цели. Удалось прямым попаданием разбить две платформы прикрытия. Бронепоезд не выдержал — ушел.

На шестой день наступления в общем направлении на Штеттин показался небольшой городок Альтдамм. Попытались с ходу ворваться в него — не вышло. Наши танки, уйдя в укрытие, остановились — откуда-то бьет мощное орудие противника. Уже есть потери в танках. Очень трудно было найти стреляющее орудие. Когда нашли, оказалось, что это — самоходка. «Фердинанд» бьет из тоннеля под железнодорожным полотном. Выскочит, прицелится, стрельнет и — в укрытие за насыпь. Выследили, выманили из укрытия и двумя снарядами 152-мм калибра мои батарейцы разнесли «фердинанд» вдребезги.

Примерно так все восемь дней мы действовали, выполняя боевую задачу — выйти к побережью Балтики. Это был наш вклад в общую цель двух фронтов — нейтрализовать Восточно-Прусскую группировку противника, угрожавшую войскам, готовившим последнюю операцию Великой Отечественной войны — Берлинскую.

Здесь я описал лишь восемь дней своего фронтового пути. А всего я воевал три года... Между прочим, когда меня представляли к званию Героя Советского Союза, то и мое участие в Восточно-Померанской операции было учтено как существенный вклад в нашу Победу.

ПЕРВЫЙ БОЙ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Александр Андреевич КОВАЛЕНКО,
полковник в отставке

В конце марта сорок первого года, досрочно выпустившись из Сумского артиллерийского училища, я в звании лейтенанта получил назначение в армейский артиллерийский полк 5-й армии на должность командира взвода. Полк в это время стоял в лагерях в приграничной зоне севернее Львова, куда я и прибыл для прохождения службы.

Вскоре командующий армией генерал Потапов собрал нас, молодых выпускников училищ, рассказал об обстановке на западных границах страны. Мы уяснили, что обстановка далеко непростая, возможны осложнения, и войска должны быть готовы дать должный отпор любому врагу, нарушившему наши границы. При этом утверждалось, что на свою территорию мы противника не пустим. Артиллеристам генерал Потапов поставил задачу — обучать личный состав борьбе с танками противника. Прорвавшиеся танки должны быть уничтожены — так категорично сформулировал командарм задачу артиллеристам.

С большой энергией и боевым настроем я включился в работу взводного. Личный состав был уже неплохо подготовлен, коллектив дружный, сплоченный, встретил меня хорошо. Все это придавало сил, и было желание упорно работать. Вскоре меня назначили командиром первого взвода батареи, и я стал, таким образом, старшим на батарее. Работы прибавилось, но ее результаты меня радовали.

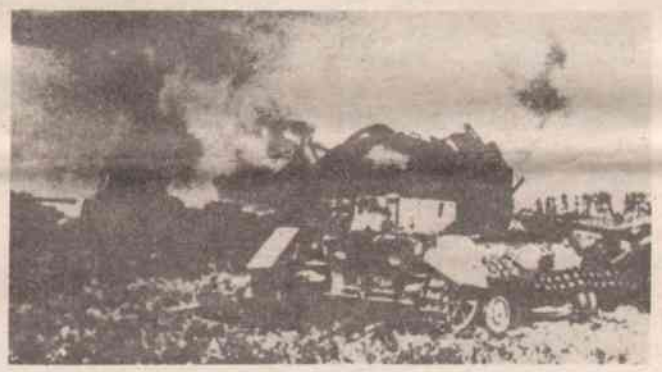
Расчеты орудий слаженно действовали при стрельбе в составе батареи с закрытых огневых позиций, а еще более энергично — при стрельбе по танкам прямой наводкой (наш дивизион был вооружен 76-мм пушками). Полигонные боевые стрельбы были проведены с высокими результатами. А, главное, личный состав был настроен по-боевому и уверен в себе и своих силах. Единственное, что меня не удовлетворяло, — это конная тяга. В батарее на 160 бойцов было 120 лошадей. Держать каждого коня в боевой готовности — дело не из легких: кроме ухода за ним, его еще надо и учить. Но тем не менее выучка батареи на конной тяге у нас была на хорошем уровне.

К сожалению, учеба вскоре прервалась и надолго...

21 июня поступила команда — подготовиться к выходу в район сосредоточения. Сборы были недолги.

Материальная часть — на месте и к походу готова, боеприпасы — в зарядных ящиках, лошади — всегда рядом, ну а личный состав бодро встретил приказ к выходу на «учения с боевой стрельбой», как нам тогда показалось.

К исходу дня 21 июня батарея заняла огневые позиции в заранее подготовленном в инженерном отношении районе сосредоточения и начала обустраиваться на новом месте. Однако примерно в 2 часа ночи получили новый приказ — сняться с огневых позиций и продолжить движение в сторону границы в готовности развернуться для ведения боя на указанном по карте рубеже. Мы продолжали думать, что идет учение, и нам дают решать обычные вводные. Но вдруг со стороны границы услышали гул самолетов, а потом увидели их, высоко летящих в глубь нашей территории. А через некоторое время донесся до нас глухой гул бомбовых взрывов, теперь сомнений не было — это война! Но все были уверены — сейчас наши истребители «ему» дадут «жару».



Выведя батарею на указанный рубеж, я расставил шесть пушек «подковой» для стрельбы прямой наводкой (благо этому способствовала местность), два орудия получили на всякий случай снаряды с картечью. Выставил наблюдателей.

Без промедления начали окапываться. Этому мы всегда уделяли особое внимание — окоп для орудия, щели для личного состава, лошадей — в укрытие в складах местности. Это у нас было отработано. Где-то около 9 или 10 часов сначала услышали гул моторов, а потом увидели группу танков и мотоциклистов на ее флангах. Доложил командиру батареи, получил приказ «действовать по обстановке». Подав команду «к бою», стал ждать.

Как только танки показались на обращенном к нам скате небольшой возвышенности, я дал команду «огонь» орудию, стоявшему в вершине «подковы» (так называемому «заигрывающему» орудию). Расчет этого орудия был лучшим в батарее и по специальной подготовке, и по морально-волевым качествам. Его специально комплектовали и готовили. Расчет открыл прицельный огонь. Противник сразу же, рассредоточившись на ходу, открыл ураганный огонь в нашу сторону. Стреляло все: танковые пушки и пулеметы, пулеметы и автоматы мотоциклистов, но огонь противник вел не прицельный. Развернувшись, танки противника подставили свои борты нашим орудиям, образующим подковообразный боевой порядок. Огонь всех орудий батареи сразу же дал результаты — загорелся один танк, потом второй, третий... Танки противника начали пятиться назад, не прекращая огня. У нас уже появилось трое убитых, несколько раненых. Нам удалось еще поджечь несколько танков. Остальные скрылись за возвышенностью. Но мотоциклисты на большой скорости обошли нашу позицию с флангов и в пешем боевом порядке, ведя яростный автоматный огонь, с тыла выходили на позицию батареи. Здесь нас выручили два орудия, по сигналу наблюдателей открывшие огонь картечью. Через несколько выстрелов каждым орудием все было кончено. Наступила тишина. Первая тишина после первого боя. Не сразу сообразишь, что делать. Но здесь со мной связался командир батареи. Выслушав мой краткий доклад, приказал сниматься и отходить на очередной рубеж...

Начинался первый этап Великой Отечественной войны. Впереди было еще много боев, но первый бой запомнился навсегда. За него я получил первую свою боевую награду — орден Красной Звезды.

БОЕВОЙ ЭКЗАМЕН ВЫДЕРЖАЛИ

Григорий Кириллович РЫЖЕНКОВ,
полковник в отставке

О родителях своих я, к сожалению, ничего не знаю. Даже их фамилии и имена мне неведомы. Рос я и воспитывался во многих детских домах двадцатых и тридцатых годов, в коллективах и компаниях сверстников с далеко не лучшими нравами и обычаями. Тем не менее, совокупность родительских генов и «окружающей среды» сделала из меня в физическом и психологическом плане довольно крепкого парня, свободно владевшего всеми популярными в те времена приемами самозащиты в «борьбе за свое существование». Учился я охотно, хотя и без особых усилий и напряжения. Большой помощью мне в учебе была хорошая от природы память. Во всяком случае, я во все времена ненамного отставал в учебе от лучших своих соучеников.

После семилетки меня направили в техникум, затем я поступил в институт, но после первого курса мне не без труда удалось в 1939 году устроиться курсантом в 3-е Ленинградское артиллерийское училище с трехлетним сроком обучения. По понятным причинам нас выпустили на год раньше, т. е. в 1941 году.

В звании лейтенанта я был направлен на фронт под Петрозаводск. Здесь в то время наши войска вели оборонительно-отступательные бои. В одном из таких боев мне (вступившему в должность командира батареи взамен вышедшего из строя) и личному составу батареи пришлось выдержать серьезный экзамен на боевую зрелость. На батарею ринулась группа из 10—12 танков и до взвода мотопехоты противника. Первую атаку нам удалось отбить. Перегруппировавшись, через 2—3 часа противник повторил атаку. С трудом мы отразили и ее, но потери наши росли. Правда, и мы подбили три-четыре танка, однако это не гарантировало нам победу. И, действительно, к концу дня противник в третий раз атаковал батарею. Нужно сказать, что на этот раз мы подготовились к отпору хорошо. Учли опыт отражения предыдущих двух атак. В конце концов противник отошел, и мы снялись с позиции, отступая за пехотой, которая ушла раньше. Потери в батарее были значительные. Тяжелое ранение получил и я. С большим трудом мы выходили из боя, не имея никакого прикрытия. Это был мой первый бой в начавшейся войне. И первое серьезное ранение. Надо сказать, что на ранения мне «везло». За войну я перенес пять ранений и шесть контузий.

В последующем я воевал в различных частях и соединениях и даже армиях, находясь на командных и штабных должностях. Прошел фронтовой путь от Петрозаводска до Эльбы. Многое пережил и испытал. Но этот первый бой для меня незабываем.

ОТ ФРОНТОВИКА ТРЕБУЕТСЯ МНОГОЕ

Александр Алексеевич ЖУКОВ,
генерал-майор
в отставке

Фронтовая судьба предопределила мне участь быть активным защитником Ленинграда в самый тяжелый период в его истории.

Битва за Ленинград началась для меня на дальних его подступах — под Нарвой и Кингисеппом, а продолжилась на многие месяцы у его окраин.

Вступил в войну я начальником штаба дивизиона 152-мм пушек-гаубиц артиллерии РГК, но вскоре стал его командиром.

Первые бои для нас были отступательными, приходилось отходить под напором значительно превосходящих вражеских сил. Имея задачу, лично поставленную Гитлером, мощная группировка армий «Север» с высоким темпом продвигалась вперед, стремясь с ходу овладеть Ленинградом.

Непрерывно меняя направления своих ударов, противник упорно искал бреши в обороне города, чтобы хотя бы где-нибудь ворваться в его районы. Нам, артиллеристам, приходилось все чаще и чаще перемещаться с одного участка фронта на другой, вновь и вновь меняя огневые позиции. Запомнился один из многих случаев, когда танковая группировка противника стремительно приближалась к южной окраине Ленинграда. Дивизион в спешном порядке был переброшен под Урицк. Орудийные расчеты вели огонь по танкам противника с такой интенсивностью, что краска на стволах орудий буквально горела. Командующий артиллерией армии генерал Михалкин непрерывно повторял приказ: «Удержать рубеж! Удержать!».

Когда на этом направлении противник был остановлен, наш полк перебросили под Невскую Дубровку на левый берег Невы. Прибыли на место — пехоты нашей нет. На противоположном берегу вражеские солдаты свободно разгуливают. Пришлось принимать непредвиденные и необычные меры. Правда, к утру начали прибывать пехота, танки, артиллерия.

Тяжелый это был участок обороны. Захваченный нашими войсками плацдарм на левом берегу Невы, известный как «Невский пятачок», его защитники прозвали «плацдармом смерти» — уж очень много гибло на нем людей.

Через некоторое время обострилась обстановка под Колпино, и мы переместились туда. Здесь были свои трудности и напряженность.

Больших усилий требовалось от нашего полка в борьбе с вражеской артиллерией, варварски обстреливавшей блокированный Ленинград. Контрбатарейная борьба в тот период была одной из важнейших задач в обороне города.

С февраля сорок второго года меня перевели на штабную работу — вначале в штаб полка, а затем в штаб артиллерии армии. Здесь я стал специализироваться как артиллерийский разведчик — с сентября сорок второго года я стал начальником разведотделения штаба артиллерии 54-й армии.

После длительной, предельно тяжелой обороны Ленинграда, наконец, в январе 1943 года его блокада была прорвана. Это была большая и долгожданная победа и для войск, и, главное, для ленинградцев. Начались бои и сражения по деблокированию Ленинграда и освобождению от оккупантов Ленинградской и прилегающих к ней областей.

Битва за Ленинград в моей фронтовой биографии занимает, пожалуй, самое важное место, а в памяти — навсегда останется неизгладимой.

Последний год войны я воевал в танковых войсках — меня перевели из 54-й общевойсковой армии в 5-ю гвардейскую танковую армию. Здесь я занимал должность заместителя начальника штаба артиллерии армии — начальника оперативно-разведывательного отдела. Это было серьезной переменой в моей фронтовой биографии. Характер действий танковой армии существенно отличается от общевойсковой. Пришлось осваиваться на ходу. В боевых условиях это или получается быстро, или вообще не получается. У меня получилось.

Танковая армия в наступательных операциях (а последние два года войны преимущественно были наступательными для наших войск) действует почти всегда в большом отрыве от основных сил фронта. Войдя в прорыв, танковая армия стремительно продвигается вперед, взламывая и нарушая систему глубокоэшелонированной обороны противника, охватывает и окружает наиболее важные его группировки и объекты обороны. Очевидно, что использование артиллерии, сопровождающей танковые соединения, требует особого подхода к организации действий артиллерии и управления ею.

Однажды в ходе Восточно-Прусской операции мне было поручено управлять артиллерийской группой поддержки танковой бригады, следовавшей в качестве передового отряда армии в глубокий тыл противника. Бригада продвигалась настолько стремительно, что к исходу дня ворвалась в город Эльбинг совершенно неожиданно не только для жителей этого города, но и для войск противника. Город был по-мирному хорошо освещен, его жители выходили из театра, юнкера проводили вечернюю прогулку...

Управляя артиллерией в ходе этого рейда, я на практике почувствовал значительные различия в действиях наступающих танков и пехоты и в способах управления огнем артиллерии при их поддержке.

Ну, а особенности организации разведки в танковой армии мне пришлось осваивать основательно — это было моей основной функциональной обязанностью. При работе в этом направлении в последующем мне очень пригодился опыт штабного офицера-разведчика, который я приобрел как в общевойсковой 54-й армии, так и в 5-й гвардейской танковой.

Вообще, заключая, скажу, что война воспитывает у фронтовика высочайшее чувство ответственности за выполнение поставленной задачи, а это, в свою очередь, требует инициативы, творчества и знания дела.

ОТ СТАЛИНГРАДА ДО ПРАГИ

В первом номере «В-Р» генерал-полковник В. М. Вишенков рассказал о своей многолетней службе в Ракетных войсках, где он занимал высокие должности — начальник штаба ракетного корпуса, командир корпуса, командарм и, наконец, начальник Главного штаба. Но до этого он свыше двадцати лет прослужил в ВВС, всю войну провел за штурвалом боевого самолета.

Хотелось бы узнать и об этой части биографии Героя Советского Союза ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА ВИШЕНКОВА.

— Владимир Михайлович, расскажите, как Вы стали военным летчиком — по призванию или по разнарядке военкомата?

— Еще будучи школьником старших классов в Горьком (ныне Нижний Новгород), я начал ходить на занятия в местный аэроклуб. Уж очень хотелось стать военным летчиком. Тогда эта мечта была преобладающей среди молодежи.

В мае 1940 года я стал курсантом летной школы в г. Энгельсе. Через год, а точнее 25 июня 1941 года нас выпустили пилотами в звании сержантов.

Так как в летной школе мы учились на уже устаревших типах самолетов, то сразу же после выпуска нас направили под Липецк на переучивание — освоение новой тогда машины — пикирующего фронтового бомбардировщика Пе-2 (авиаконструктор В. М. Петляков).

Фронт приближался к Сталинграду, и мы оказались в его границах. Командиры-наставники водили нас на бомбежку вражеских войск.

Не сразу приходил успех. Через пару месяцев участия в боевых действиях я почувствовал, что у меня получается. Да и командир это заметил, и меня, старшего сержанта, назначают командиром звена. А в звене были и лейтенанты, и старшие техники-лейтенанты, всего порядка 25—30 человек личного состава.

— И долго Вы летали на Пе-2 — пикирующем фронтовом бомбардировщике?

— Да всю войну. Начинал бомбардировщиком. Но вскоре стал дальним воздушным разведчиком на этом же Пе-2. Трудное это было время. Враг рвался к Волге. Наша бомбардировочная дивизия (270-я бад) формировалась, по существу, в ходе боевых действий. Самолетов не хватало, готовых экипажей не было. Набрать девятку машин со всей дивизии для вылета на бомбежку важного объекта не всегда было возможным. Помнится, немецкие летчики, зная наше положение, однажды в насмешку сбросили в расположение дивизии колесо от трактора с надписью: «какая дивизия — такая вам и бомба». Обидно, конечно, было. Правда, через некоторое время и «на нашу улицу пришел праздник» — мы получили и технику, и экипажи. Но это было все впереди. А пока я летал в одиночку, в паре, звеном и уже считался неплохим бомбардировщиком.

И тут вдруг мое звено «временно» перебрасывают в разведполк воздушной армии, в котором из-за больших потерь остался лишь один боевой экипаж. Пришлось овладевать специальностью воздушного разведчика. Так я и остался воздушным разведчиком на Пе-2 до конца войны.

— А когда Вы получили первое офицерское звание?

— В феврале сорок третьего года всем нам, выпущенным сержантами, присвоили звание младшего лейтенанта. А уже через три месяца я стал старшим лейтенантом, минуя лейтенантское звание.

— У Вас немалый фронтовой путь. Расскажите о наиболее запомнившихся Вам боевых эпизодах.

— Эпизодов было много. Вся война состоит из эпизодов. Откровенно говоря, я благодарен судьбе за то, что у меня было сравнительно мало серьезных ошибок, просчетов. Но тем не менее они были, полностью избежать их невозможно.

Группа из шести истребителей неожиданно появилась на курсе моей машины. Один из них атакует меня. Решаю: выдержать до предела и за секунду-другую до пулеметной очереди самолета противника «нырнуть» под него. Решение правильное — я им уже пользовался. Но на этот раз «не рассчитал». Передержал. Слишком старался «не сманеврировать» раньше времени. И опоздал. Мой маневр совпал с пулеметной очередью. Чувствую, что машина повреждена и серьезно, повторная атака неизбежна, а до линии фронта более 100 километров. Командую радисту: «Передавай: «Сокол»,«Сокол» (позывной наших истребителей). Я — «Цыпленок» (мой позывной). Нахожусь в районе Чистяково. Атакует шестерка. Помоги, кто может!». И что вы думаете? Паша Головачев (впоследствии генерал, дважды Герой Советского Союза) встал надо мной, провел до линии фронта и говорит: «Ровеньки знаешь? (Это аэродром наших истребителей недалеко от линии фронта)». Говорю: «Знаю». «Ну иди на них. Иди. Мы тебя прикроем». Немного не дотянув до Ровенек, с трудом посадил свой поврежденный самолет на живот.

Навсегда запомнился вылет, в ходе которого мне удалось обнаружить крупную группировку противника — стокилометровую механизированную колонну Манштейна, шедшую на выручку окруженной под Сталинградом группировке. Это были очень ценные данные для высшего командования. До сих пор горжусь этим вылетом. В Донбассе таким же образом мною было вскрыто выдвижение дивизии СС «Мертвая голова», которую мы потом долго сопровождали.

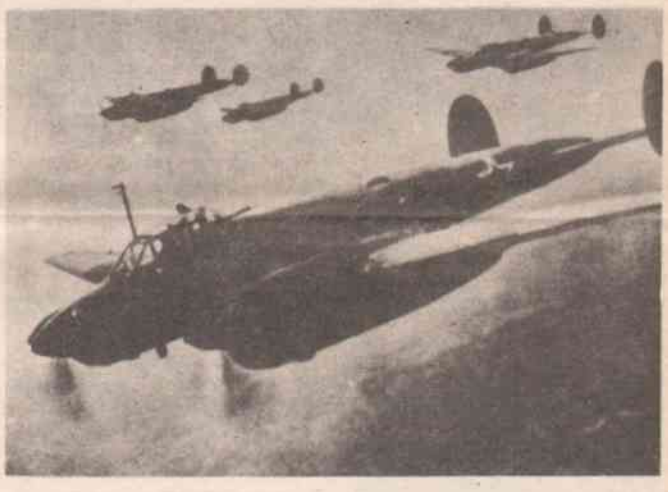
Особенно памятен мне боевой вылет на фотографирование результатов массированного бомбового удара бомбардировочной дивизии по крупной вражеской группировке. Шла моя родная 270-я бад в полном боевом составе с мощнейшим прикрытием истребителей. Я — воздушный разведчик — за ней. Это было зрелище! А сам бомбовый удар! Трудно передать, что я испытывал в это время. Навсегда осталось в памяти чувство гордости за нашу авиацию, за нашу Родину. Чувство полной уверенности в победе. Вот когда хотелось сбросить немцам записку со словами: «Какая дивизия — такая и бомба». Да, пришел и на нашу улицу праздник. Много довелось потрудиться на подступах к Сталинграду, на Миусе, в Донбассе, на Молочной, на Сиваше, над Севастополем и на многих других рубежах войны. Воевать начал под Сталинградом, а закончил в Праге. Всего не расскажешь. Хлеб воздушного разведчика, как и каждого воина, нелегок.

— Как Родина отмечала Ваши заслуги в ходе самой войны? Как Вас награждали?

— Под Сталинградом я был награжден первым орденом Красного Знамени. После освобождения Ростова получил второй. За Сталинград и Донбасс был представлен к званию Героя Советского Союза. Были и другие награды.

— Как сложилась Ваша, Владимир Михайлович, служба в авиации после войны? Что повлияло на перевод Ваш из ВВС в РВСН?

— Войну я закончил командиром эскадрильи. В июне сорок пятого участвовал в незабываемом Параде Победы на Красной площади в Москве.



Через год поступил на учебу в Командную академию ВВС, по окончании ее был списан с летной работы по зрению и переведен на штабную. Пять лет служил в Главном штабе ВВС в должностях офицера и старшего офицера Оперативного управления.

В 1958 году окончил академию Генерального штаба с золотой медалью и был назначен начальником штаба тяжелой бомбардировочной авиадивизии, несшей боевое дежурство с ядерными боезапасами.

Однажды, совершенно неожиданно, новый Главком РВСН Маршал Советского Союза К. С. Москаленко (неплохо меня знавший, еще будучи командующим МВО) предложил мне перейти в РВСН. Я согласился. Новой техники я не боялся, современные самолеты, как летательные аппараты, по своей технической оснащенности во многом схожи с ракетами. К тому же я хорошо разбирался в аэродинамике, знал автоматизированные гироскопические системы управления, имел опыт планирования и организации боевых действий частей и соединений бомбардировочной авиации. Все это, на мой взгляд, могло быть основой для освоения нового для меня ракетного дела. И, представьте, я не ошибся. Сравнительно быстро вник в проблемы организации управления создававшимися тогда ракетными частями и соединениями (я был назначен начальником штаба ракетного корпуса), в боевую службу, жизнь и быт ракетчиков. Сейчас можно вспомнить, что вообще первое поколение офицеров-ракетчиков было конгломератом специалистов всех видов Вооруженных Сил и многих родов войск. И все они заняли достойное место в деле создания, становления и развития РВСН. Я горжусь тем, что мне было доверено быть в их числе.

— Получилось так, что Вы, Владимир Михайлович, по сути две службы отслужили — двадцать один год в авиации и двадцать шесть лет — в РВСН. Если при этом учесть, что в Ракетных войсках Вы успешно прошли все высшие командно-штабные должности до начальника Главного штаба включительно, то Ваш весомый вклад в дело укрепления боеспособности Вооруженных Сил страны очевиден.

Если можно, расскажите о своей семье, есть ли у Вас наследники?

— У нас с женой, Аллой Савельевной, два сына, дочь и пять внуков. Все уже взрослые, устроены, имеют свои семьи. Сыновья, как и положено, пошли по отцовскому пути. Оба — ракетчики. Уверен, что наследники у меня — народ надежный.

— Благодарю за беседу.

Беседу вел В. Перейма

ФРОНТОВИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ — ВЕТЕРАНЫ РВСН ВСПОМИНАЮТ

ОТ СЕЛИГЕРА ДО БЕРЛИНА

Алексей Саввич БУЦКИЙ,
генерал-лейтенант
в отставке

Почти весь свой боевой путь я прошел в составе 3-й ударной армии. Начался он для меня боями среди лесных болот у Селигера и под Великими Луками, а завершился в Берлине у рейхстага. Завершающий, наступательный период войны я встретил в должности начальника оперативного отделения штаба артиллерии армии. До этого я уже имел немалый боевой опыт, полученный в ходе Великолукской, Невельской, Идрицко-Себежской наступательных операций, в которых участвовала наша армия. Но это был опыт командира батареи, дивизиона, артиллерийского полка. Его было недостаточно для работы в армейском штабе. Требовались знания и навыки оперативного, а иногда и более высокого уровня. Их я в меру своих способностей приобретал в ходе последующих операций. А впереди были Прибалтика, Висла и Одер, Восточная Померания, битва за Берлин. Помогали мне и старшие мои начальники — начальник штаба артиллерии полковник А. П. Максименко, да и сам командующий артиллерией армии генерал И. И. Морозов. Они отлично знали свое дело и имели большой опыт организации действий артиллерии в армейской операции. Во всяком случае уже через некоторое время я не испытывал серьезных затруднений при выполнении своих должностных обязанностей и отдельных поручений и заданий. Тем не менее, даже к концу войны, когда я был уже достаточно опытным штабным офицером, при подготовке и проведении очередной операции всегда приходилось работать с огромным напряжением. Видимо, такова специфика штабной работы.

Более других особенно памятны мне Восточно-Померанская и последовавшая непосредственно за ней Берлинская операции.

После успешного завершения крупнейшего стратегического Висло-Одерского сражения войска 1-го Белорусского и других фронтов вышли к Одеру. До Берлина оставалось 70 километров. Возбужденные зримой близостью победоносного окончания войны, войска фронта с нескрываемым волнением ждали сигнала к последнему броску. Однако, наступлению на столицу Германии угрожала нависшая над правым крылом 1-го Белорусского фронта крупная группировка немцев в Восточной Померании. По предложению командующего фронтом Г. К. Жукова Ставка дала добро на проведение операции по ее нейтрализации. Операция получила впоследствии название Восточно-Померанской. Подготовка осуществлялась скрытно. Сроки подготовки были установлены чрезвычайно жесткие. А работы предстояло много, ибо артиллерию фронта, подтягивающуюся к Одеру и готовящуюся к наступлению на Берлин, необходимо было срочно развернуть на 90 градусов, включив ее в создаваемую фронтом новую наступательную группировку. В полосе армии нам удалось в кратчайший срок сосредоточить до 200 орудий на километр фронта прорыва, что в условиях весенней распутицы было делом нелегким. Наступление началось 45-минутной артподготовкой 1 марта утром. Завязались напряженные бои. Противник оказывал ожесточенное сопротивление, но войска 3-й ударной армии продолжали двигаться вперед. На четвертый день операции наши танковые части достигли побережья Балтики. К середине марта Померанская группировка врага прекратила свое существование.

Берлинская операция началась через месяц после завершения Померанской. Прежде чем начать подготовку к ней, необходимо было «собрать» войска, участвовавшие в боях в Померании, в том числе артиллерию армии, восстановить потери в людях и технике, пополниться боеприпасами, возвратиться на прежние рубежи и позиции. На саму подготовку же времени оставалось не больше, чем его было перед Померанской операцией. Сейчас, через полвека, трудно представить, как успевали мы справляться с таким объемом работы в столь сжатые сроки. Видимо, помогал постоянно накапливаемый опыт организации и проведения предшествующих операций. Теперь я вспоминаю, как в Висло-Одерской операции в кратчайшие сроки пришлось переместить всю артиллерию армии со своего направления на соседнее — под Варшаву и в полном объеме спланировать и организовать ее действия. Казалось, задача невыполнима. Но справились! Да, огромный организаторский опыт командиров и штабов всех звеньев, накопленный за четыре года войны, был существенным вкладом в блестящий успех Берлинской операции.

Я — участник этой крупнейшей в истории войн наступательной операции. Как профессиональный военный, горжусь этим. Сохранился в памяти каждый ее день, а то и час. Помню, как в наиболее напряженный период планирования наступления артиллерии армии нам пришлось четверо суток ни минуты не спать, разрабатывая планирующие, расчетные и другие документы. Только мне одному довелось разработать и оформить более двадцати документов и таблиц. Арт-наступление планировалось на всю глубину. Требовались организация вывода артиллерии в позиционные районы и размещение ее в них, обеспечение боеприпасами, разведка целей и доведение задач до каждой батареи, орудийного расчета. Помню, как командующий артиллерией одного из корпусов полковник Лившиц лично сам на главном направлении расставлял орудия на прямую наводку и указывал каждому конкретные цели и сектора обстрела...

16 апреля в 3 часа по берлинскому времени (за два часа до рассвета) началась небывалая в истории войн артиллерийская подготовка. Залпы более десяти тысяч орудий 1-го Белорусского фронта, в составе которого на главном направлении шла и наша армия, возвестили о начале завершающей войну стратегической операции. Нелегко дались нам 70 километров до Берлина. А 3-й ударной, на пути которой были «знаменитые» Зеловские высоты,— особенно. Но все же — дошли!

20 апреля в 11.25 дальнобойная артиллерия 79 ск нашей армии произвела первые два залпа по фашистской столице. 21 апреля гвардейцы 52 сд пересекли берлинскую кольцевую автостраду и ворвались на окраины Берлина. Начались бои в одном из крупнейших городов Европы. Основой боевых порядков войск были штурмовые отряды и группы, состоящие из стрелковых подразделений, усиленных танками, артиллерией разных калибров, вплоть до 152- и 203-мм (включая САУ), саперами, а иногда и огнеметами. Противник бился за каждый квартал, дом, этаж. Много артиллерии ставилось на прямую наводку, в том числе 152- и 203-мм орудия.

29 апреля ночью в 250 метрах от рейхстага были установлены 286 орудий на прямую наводку. 30 апреля в 10.00 была дана команда: «Огонь!». В 14.30 на рейхстаге появилось Красное Знамя победителей. Оно было водружено воинами нашей славной 3-й ударной армии.

С утра 2 мая по приказу командовавшего обороной Берлина генерала артиллерии Вейдлинга вражеские войска подразделениями и частями начали сдаваться в плен. К 15 часам сопротивление берлинского гарнизона прекратилось. К вечеру вся территория города была занята нашими войсками.

Так для меня закончилась Великая Отечественная война. Мне было тогда 26 лет.

Впереди — 30 лет службы, из них 21 год — в РВСН.

Да, война заканчивалась. Я наблюдал за знаменосцами, пробиравшимися со знаменами к местам их водружения. Первым удавалось это сделать разведчикам. Среди них я видел бойца-женщину. Некоторые не доходили. Волнующие это были моменты. Водружались символы Победы, Великой Победы, извещавшие зримо, что Берлинская операция закончена, Великая Отечественная и вторая мировая война победоносно завершены. Трудно было сразу осмыслить и осознать значимость и величие свершившегося, но чувства радости и ликования уже овладевали нами.

Да, война закончилась. Впереди — организационные хлопоты по приведению в порядок всего войскового хозяйства, переформирования, передислокации, наконец, возвращение домой, на Родину, и радостное погружение в долгожданную мирную жизнь.

А мне еще около года предстояло работать в специальной группе генерала А. Ф. Тверецкого, занимаясь организационными и исследовательскими вопросами в интересах будущего ракетного дела в нашей стране. Уже тогда подумалось, что вошел в войну я моряком, а выхожу из нее ракетчиком. Так оно и произошло.

ИЗ МОРЯКОВ — В РАКЕТЧИКИ

Георгий Васильевич ДЯДИН,
полковник в отставке

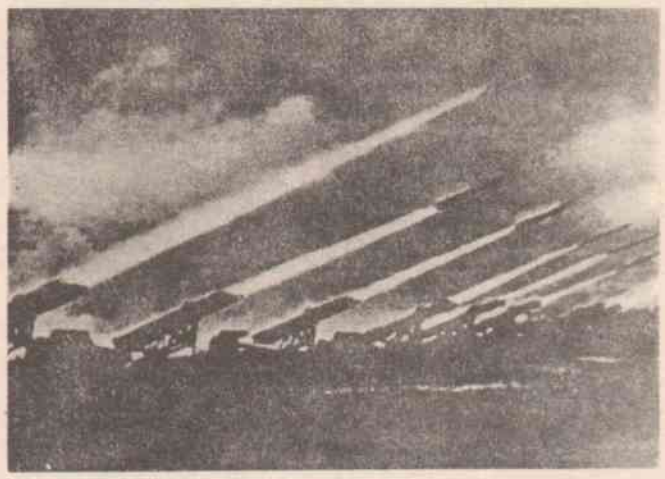
Война началась, когда я закончил первый курс Бакинского высшего военно-морского училища. Решил уйти на фронт и подал рапорт. Из курсантов ряда училищ была сформирована 40-я стрелковая бригада и направлена под Москву. Прибыли мы в самый критический момент для столицы и заняли оборону где-то на стыке двух армии в районе Крюково. Попал я в разведвзвод бригады, сначала помкомвзвода, а затем — его командиром (ведь я имел воинское звание — старшина первой статьи). Любил ходить за «языками». Один раз чуть не угодил под суд — самовольно увел группу за передний край. Спасло лишь то, что привел трех пленных офицеров, захваченных в землянке штаба пехотного батальона.

В ноябре получил легкое ранение, в разведку ходил с повязкой. А 5 декабря меня ранило тяжело — осколки в легких и в ноге. Лечился в Горьком. В марте сорок второго прошел переподготовку на агентурного разведчика, но на «дело» меня не взяли — открылись раны. Направили в ГМЧ (гвардейские минометные части). Воевал на Кавказе — брали Майкоп, освобождали Новороссийск и другие города и станицы, прошел почти всю Кубань. Должность моя называлась «электрик-пиротехник» 48-го отдельного минометного дивизиона («Катюши»). Через некоторое время наш дивизион влился в 43-й гвардейский минометный полк. При переформировании взамен БМ-48 получили БМ-13.

Теперь воевали на Украине — брали Ровно, Луцк... Здесь меня ранило. Из госпиталя удрал, так как наш дивизион уходил на другой участок. Но все равно я не успел — дивизион ушел. Направили меня в 22-ю гвардейскую минометную бригаду 5-й гвардейской минометной дивизии (боевой путь этой дивизии описан в книге «5-я гвардейская Калинковичская», изд. 1979 г.), под Гомель. В 1-м штурмовом дивизионе 22 ГМБ я провоевал до конца войны.

А пока наш штурмовой дивизион сопровождал корпус Плиева, выводившийся в прорыв на минском направлении. Принимали участие в освобождении Калинковичей, Бобруйска, Барановичей, Ковеля и др. городов.

Участвовали в Висло-Одерской операции. Очень сильные бои были за Люблин, перед Варшавой. Здесь запомнился один эпизод. Дивизион на ночь остановился в небольшом перелеске недалеко от дороги. Расчеты отдыхали, часовые — на местах. Я — дежурный офицер по дивизиону. Вдруг — шум танковых моторов... Приближается к нам... По шуму ясно, что движутся танки. Напротив нашей позиции остановились, моторы заглохли, слышны разговоры. Послал часового. Докладывает: «Немцы!». Пошел проверить сам. Точно — колонна танков противника. Приказал тихо поднять расчеты, быть готовыми к движению. В это время колонна продолжила свой путь. Пропустив ее, вывели боевую машину на дорогу и дали залп по колонне. С рассветом увидели, что противник обезврежен.



Выйдя к Праге — предместью Варшавы, увидели удаляющуюся танковую колонну противника. Две наши установки заняли открытую позицию для залпа прямой наводкой. Успели выпустить прицельный снаряд. В этот момент один из танков ударил из пушки по нашей машине. Машина взорвалась, рядом стоящая загорелась. Солдат, стоявший рядом со мной, погиб, я был сильно контужен, оглох и ослеп. Отправили в медсанбат. Когда оправился и стал выздоравливать, меня неожиданно включили в состав специальной команды, собирающей остатки, обломки немецких ракет ФАУ-2 (в этом районе был немецкий полигон по испытанию ракет). Кое-что мы нашли, в том числе камеру сгорания, зарытую немцами в землю. Эта находка была учтена в последующем. Но война продолжалась. При взятии Познани в уличных боях действовали отдельными установками, включая их в состав штурмовых отрядов и групп. Когда вышли к Кюстринскому плацдарму на Одере, нас привлекли к участию в Восточно-Померанской операции. В ходе ее дошли до Балтийского моря. Возвращались к началу Берлинской операции. Насыщенность артиллерией исходного района была большая. Боролись за каждый квадратный метр для размещения артиллерии. Операция началась по плану. В ходе ее в районе Вальцензее я случайно обнаружил целый склад немецких реактивных снарядов. Они, как и наши «Рамы», но чуть поменьше БМ-31. Я тогда не подумал их взять с собой, а когда получили задачу оказать помощь при штурме рейхстага, пришлось посылать за ними, т. к. своих снарядов уже не было. Стрельба по зданию во время его штурма требует особой точности, чтобы не бить по своим. С этим мы справились.

С ПОБЕДОЙ, ДОРОГИЕ ОДНОПОЛЧАНЕ!

Иван Тарасович ПИВЕНЬ,
полковник в отставке

Никто из нас, фронтовиков, на фронте не мечтал дожить до 50-летия Победы над Германией. Пределом наших мечтаний было выстоять и победить в предстоящем бою или сражении.

И вот он, праздник Великой Победы! Невольно вспоминаются фронтовые дороги.

Я не предполагал быть военным. За год до войны поступил в институт, год отучился и... война. Призвали в армию, предложили пойти в училище. Полгода проучился, получил специальность артиллериста, звание лейтенанта и — в Алма-Ату, во вновь формируемую 120 сд. Должность — командир артвзвода 1033 ап. Эшелоном под Саратов, там — первое и последнее в моей жизни дивизионное учение с участием К. Е. Ворошилова, а в июне—августе 1942 г. своим ходом на фронт — под Сталинград. В 10—12 км севернее Сталинграда у д. Ерзовка с ходу — в бой на одном из участков обороны нашей 66-й армии. Потеснив противника на несколько сот метров, не без потерь, вышли на более удобный рубеж для обороны, стали окапываться. Здесь я вспомнил предупреждение маршала на учении: «Если вы будете так окапываться, как на учении, — вас хватит только на один месяц». Окапывались старательно, но все равно несли потери. Через месяц дивизию вывели на доукомплектование. Пополнившись, снова заняли указанный нам рубеж обороны. Начали готовиться к наступлению по окружению группировки противника. Дождались 19 ноября и — в наступление.

В ходе наступления получил ранение. После двухнедельного лечения вернулся в свой полк. Стал командовать батареей, заменив тяжело раненного командира. Наступали вдоль Дона, где-то у Вертячего повернули в сторону Сталинграда. Здесь я снова был ранен, в голову. Попал в новый госпиталь (прибывший из института им. Н. Н. Бурденко). Быстро подлечили, вынув пулю из-под мозжечка. Вернулся в свой полк. Теснили противника до самого города. Подошли к Мамаеву кургану и вошли в Сталинград через его центральную часть. Город горел.

После пленения остатков армии Паулюса дивизия стала гвардейской. Артполк — тоже. Так я стал артиллеристом с боевым опытом, полученным под Сталинградом.

Далее были Белгород, Кременчуг, форсирование Днепра с тяжелыми боями и большими потерями. Подошли к Корсунь-Шевченковскому, где готовилась наступательная операция. Здесь я получил тяжелое ранение. Лечился месяца два в Харькове. Выздоровев, попал в армейскую артиллерию — начальником штаба дивизиона АИР 157 апабр 28-й армии.

Освобождали Белоруссию, затем в Восточно-Прусской операции брали Кенигсберг. Наша апабр подавляла артиллерию противника, разрушала укрепления, поддерживала наступление пехоты и танков. Далее — на Берлин. Под Бреслау в составе 1-го Украинского фронта начали артподготовку, но сразу прекратили, т. к. оказалось, что противник ушел. Двинулись вперед. Прошли километров 60. Здесь нас повернули на Берлин. Вошли в «логово» врага с юга. Вели огонь по Берлину и по лесам, где были сосредоточены отходившие части противника. 2 мая получили приказ двигаться на Чехословакию. У границы остановились. Война для нас кончилась. Через некоторое время передислоцировались в Белоруссию, в Луцк.

Особо хочу сказать о последнем дне войны. Радость Победы была безграничной. Чувства, овладевшие нами, не передать, тем более не описать. Ведь четыре года в боях и сражениях! И теперь — конец войне! Какие великие надежды на прекрасную мирную жизнь владели нами. Тот, кто это пережил, хорошо помнит. А кого еще тогда не было на свете, тому сейчас легче.

После войны я окончил Академию им. Ф. Э. Джержинского. И — длительная, плодотворная служба по специальности — в ракетных войсковых частях и учреждениях, на промышленных предприятиях, на полигонах. Мы, фронтовики, не щадя своих сил, увлеченно трудились, участвуя в разработке, полигонных испытаниях и освоении всех ракетно-космических комплексов. Мы — это А. А. Васильев, И. Е. Харичев, С. А. Сергеев, М. Д. Кислик, Н. И. Попов, П. В. Щербаков и многие, многие другие.

В заключение кратко скажу о влиянии, которое оказала на меня война. Из фронтового опыта я вынес мнение, что на войне каждодневный, тяжелый и опасный труд настраивает на очень серьезное отношение к делу, к людям, к оценке человеческой жизни, на воспитание глубочайшего уважения к труду других, внимания друг к другу.

Я, как поклонник техники, усвоил, что с большим знанием надо подходить к тому, с чем имеешь дело, — к технике, вооружению, оборудованию и т. д. Любой недосмотр может дорого обойтись. Лично для меня это — закон. Мой многолетний опыт работы с техникой это подтверждает.

Ну, вот, пожалуй и все.

С победой, дорогие друзья-однополчане!

ЭПИЗОД МАМИНОЙ ВОЙНЫ

Война застала выпускницу медицинского техникума Лиду Иванченко в одном из сельских медпунктов на Тамбовщине. Отсюда она и была мобилизована в действующую армию. В тяжелых боях на Западном фронте была ранена и контужена. Не долечившись, вместе со своим полком выходила из окружения под Тулой. Окрепла — и снова в бой. Вначале с танкистами, а затем — с легендарными «Катюшами», но не обычными, а установленными на бронепоезде. И войну закончила она во Франкфурте-на-Одере фельдшером 31-го отдельного особого Горьковско-Варшавского ордена Александра Невского дивизиона бронепоездов «Козьма Минин» и «Илья Муромец».

В этом дивизионе она и встретила своего славного суженого — симпатичного лейтенанта Геннадия Шагуна. Поженились они после войны. И родился у них сын Слава, который с малых лет любил слушать рассказы мамы и папы про «их войну». Запал в его детскую душу один эпизод из маминой боевой биографии. А повзрослев, он написал об этом стихотворение. Прочитаем его.

Вячеслав ШАГУН

ТАНЕЦ НА БРОНЕ

Впереди Варшава дымная лежала.
Елочки костелов — в серой пелене...
Бронепоезд скрытно вышел для удара,
Росные стекали капли по броне.

В хор артподготовки влились бас суровый
Башенных орудий и дискант ЭРЭС.
Разлетались в клочья гнезда обороны,
Над передним краем вырос взрывов лес.

Долго бронепоезд бил без передышки,
Всей своею мощью торил путь вперед.
Но, вдруг прервались огненные вспышки
Третьего орудия... Спит что ль там расчет?!

В люк бронеплощадки Лида проскользнула.
Видит — без сознанья два бойца лежат.
Гарь пороховая ей в лицо пахнула,
Едкою волною оттолкнув назад.

Отравились, черти! Поскорей из чада.
К люку их! На воздух!... Вот и «отошли».
А пока тащила — смолкла канонада,
И раздался возглас радостный: «Пошли-и-и!»

Без бинокля видно — поднимались цепи,
В рваной тьме мелькая, шли за горизонт.
И «Ура!» далеким грозно обозначил
Новый шаг на Запад Белорусский фронт.

Лиду будто ветер поднял вверх, играя...
Сапоги прошлися дробью по броне...
И она плясала, слез не утирая,
Русского плясала в дальней стороне.

Ноги отбивали, словно сбросив тяжесть
Долюшки не женской, лихо перепляс.
Поводя плечами, девушка смеялась,
В танце в том, заветном, предвещая нас!

ФРОНТОВОЙ ОПЫТ ПРИГОДИЛСЯ

Леонид Стефанович ГАРБУЗ,
генерал-майор
в отставке

Предвоенные два года я командовал взводом курсантов 2-го Киевского артучилища, которое сам до этого успешно закончил.

До училища после десятилетки прошел хорошую школу трудовой и физической закалки — два года работал бетонщиком на строительстве крупных объектов, всегда любил физическую работу, тяжелые виды спорта, лыжи и пр.

Это мне пригодилось не только на фронте, но и вообще в жизни. Бывали ситуации, особенно во время войны, когда физические и моральные качества являлись решающими. Вспоминаю об этом с целью обратить внимание военной молодежи на необходимость постоянной заботы о крепости своего тела и духа.

Войну я начал командиром батареи в оборонительных боях за Киев. Тяжелые это были бои. Довелось испытать многое: и боевые неудачи, и отступления, оставление Киева, выход из окружения. И все это в первые месяцы войны.

Я — участник Сталинградской битвы. Всем известен ее вклад в будущую Победу. После Сталинграда до Победы был еще не близкий путь, но его направление уже предчувствовалось. Прошел я от Сталинграда до Победы через освобождение Донбасса, форсирование Днепра, бои за Одессу, Ясско-Кишиневскую операцию, бои в Югославии, Венгрии, Австрии. За этими наименованиями — многие дни и ночи напряженных боев с сильным и хорошо организованным противником.

Правда, и мы уже были другими. Боевое мастерство и фронтовой опыт приобретали в боях, на практике. В войну я занимал должности командира дивизиона и полка, был заместителем начальника и начальником штаба тяжелой минометной бригады. Войну закончил командиром истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Имел ранение и контузию. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени (дважды), Богдана Хмельницкого, несколькими медалями.

Фронтовой опыт (и командный, и штабной) пригодился мне в послевоенное время, в период реорганизации и совершенствования Вооруженных Сил. Особое место в моей послевоенной деятельности занимает служба в Ракетных войсках стратегического назначения.

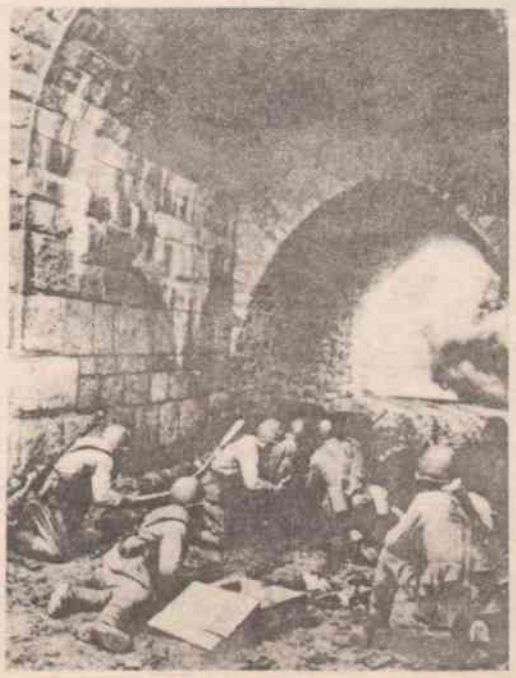
В 1952 году после окончания Военной академии им. Ф. Э. Дзержинского я был назначен заместителем командира одной из первых бригад особого назначения РВГК (54-й), а через два года — командиром 56-й. Так я стал ракетчиком. И на долгие годы.

Первые ракетные бригады того времени, одной из которых мне довелось командовать, были, по существу, базовыми. В них готовились специалисты-ракетчики для новых структурных образований (ракетных частей и соединений), на их опыте и материальной базе разрабатывались основы боевого применения ракетных частей и соединений, эксплуатации вооружения и боевой техники и т. д. Дело это было новое и требовало от командования и всего офицерского состава добротных знаний, опыта, творческой инициативы, организаторских способностей, умения преодолевать трудности, которых обычно немало, а также настойчивости в достижении необходимых результатов, четкой исполнительности и высокой ответственности.

В этом плане нас выручало то, что подавляющее большинство офицеров бригады были фронтовиками, участниками Великой Отечественной войны и в основе своей уже обладали требуемыми качествами.

Фронтовой опыт и умение его использовать в повседневной деятельности многие послевоенные годы был одним из важных критериев при определении личных качеств офицера-руководителя. Правда, его вскоре стали забывать, а напрасно. Есть проверенные на войне, незыблемые, постоянно действующие факторы, определяющие успех руководства войсками. Если это не учитывать, то со временем приходится открывать их заново, но уже после тяжелых неудач.

Многие офицеры первых ракетных бригад в последующие годы выросли в крупных руководителей в Ракетных войсках. Среди них М. Г. Григорьев, Ф. П. Тонких, В. М. Егоров, Ю. А. Яшин, А. А. Колесов, Г. Н. Малиновский, А. И. Холопов, К. В. Герчик и др. Их имена — наша гордость.



ФРОНТОВИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ — ВЕТЕРАНЫ РВСН ВСПОМИНАЮТ

ВОЕВАЛ Я РЯДОВЫМ РАЗВЕДЧИКОМ

Константин Сергеевич ФЕДОТОВ,
полковник в отставке

Мне довелось вступить в войну, когда завершался ее третий год. Осенью сорок третьего нас, только что начавших учебу в десятом классе, призвали в армию. После пятимесячного обучения солдатскому мастерству в учебном полку я попал рядовым в разведроту 139 сд 2-го Белорусского фронта. Здесь, на подступах к Белоруссии, войска готовились к предстоящей наступательной операции.

Нас, молодых солдат, стали готовить войсковыми разведчиками. Вначале мы присматривались к этой военной профессии, постигали ее основы, вживались в коллектив разведчиков. Постепенно приобщались к их работе. Вскоре мы освоились, и нас стали включать в состав групп, действующих на второстепенных направлениях. В условиях боевой обстановки учеба протекает интенсивно. Мы быстро убедились, что профессия войскового разведчика — дело не простое. Мелочей здесь не бывает. Твердо уяснили, что девиз разведчика «Сам погибай, а товарища выручай» — это не просто слова, а закон. Я уже твердо знал, что тебя, раненного или убитого, на территории противника не оставят. Вскоре я в этом убедился на практике, когда меня, не участвовавшего в разведоперации, привлекли к вытаскиванию своих раненых и убитых с территории противника.

Первое свое боевое крещение я прошел на Могилевском направлении в ходе начавшейся Белорусской наступательной операции. Разведчики, как всегда, шли впереди, добывая для командования сведения о противнике. К сентябрю 1944 года Белорусская операция была успешно завершена. За участие в ней я получил свою первую правительственную награду — орден Красной Звезды. Так я утверждался войсковым разведчиком.

К концу 1944 года наши войска занимали оборону на реке Нарев севернее Варшавы. Командованию нужен был «язык» — предстояло наступление. Было принято решение провести разведпоиск. Готовились к нему тщательно. Подобрали объект захвата — пулеметную точку на переднем крае. Хорошо его изучили. Командир дивизии генерал Кириллов Константин Иосифович, исключительно храбрый и заботливый о людях человек (год назад мы, ветераны дивизии, его похоронили), лично следил за нашей подготовкой. Накануне поиска провел с нами практическое занятие на местности. Организовал надежное огневое прикрытие.

В назначенную командованием ночь мы пошли. Я входил в состав группы захвата. Руководил разведгруппой старший из нас по возрасту, разведчик с большим опытом белорус Михаил Дробышев. Благополучно на лодке пересекли реку Нарев, проделали проходы в минном поле и в проволочном заграждении и вышли на объект. Захватив часового и нейтрализовав расчет в блиндаже, мы быстро двинулись через проходы к лодке. Я тащил на спине пленного, Михаил шел сзади. За нами следовала группа прикрытия. При прохождении прохода в минном поле Дробышев, усмиряя начавшего вдруг буйствовать пленного, оступился и задел мину. Раздался взрыв. Противник осветил ракетами передний край и открыл огонь. Незамедлительный огневой налет с нашей стороны заставил противника замолчать. За это время нам удалось выйти из прохода в минном поле, перевязать Дробышева и достичь берега. Вскоре разведгруппа в полном составе, при одном тяжело раненном и с пленным была на своем берегу. Все участники разведпоиска были награждены. Мне вручили второй орден Красной Звезды.

Разведчики более других подвержены опасности выхода из строя. Может быть поэтому командиры стараются их беречь, не использовать не по назначению. Это было характерно и для нашего командира дивизии генерала К. И. Кириллова. Но однажды боевая обстановка вынудила его отойти от своего же правила. Нашему разведвзводу была поставлена боевая задача — совместно со стрелковым подразделением атаковать населенный пункт и занять его. Задача была выполнена, к сожалению, с потерями. Многие из нас были награждены, в том числе и я — меня наградили орденом Славы III степени. Это было в Восточно-Прусской операции.

По окончании последней, завершающей Великую Отечественную войну Берлинской операции я был награжден орденом Славы II степени.

4 мая 1945 года на нашем участке фронта бои прекратились, и наступила необыкновенная тишина. Трудно было осмыслить, что это конец войны. Но это было так . . .

Через несколько дней чеченцу Сергею Точневу из нашей разведроты и мне объявили, что мы отправляемся в Москву для участия в Параде Победы. Всего из нашей дивизии этой чести были удостоены пятеро.

Отряд участников 2-го Белорусского фронта был представлен его командующему Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому в Штеттине. Осмотрев строй участников предстоящего исторического парада, маршал, улыбнувшись, сказал: «Ну, таких ребят московские невесты не упустят...».

У меня нет слов, чтобы передать те чувства, которые я вместе с другими переживал, отправляясь в Москву. В пути, на станциях, между ними наш поезд встречали и провожали ликующие, радостно возбужденные наши родные советские люди, по которым мы, фронтовики, так соскучились. Ну, а про Москву и говорить не надо.

Сам парад был верхом торжества и гордости. А мы, воины 2-го Белорусского, гордились больше других еще и потому, что командовал парадом наш командующий Константин Константинович Рокоссовский.

Но пришла пора устраивать свою жизнь. Я окончил академию химзащиты, стал инженером-химиком. Попав в Ракетные войска, сначала несколько лет служил в частях, возглавляемых генералом М. Г. Григорьевым, а потом в центральном аппарате. Сейчас на пенсии, но продолжаю работать там же.

ВОЙНА СФОРМИРОВАЛА МЕНЯ КАК ВОЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Геннадий Емельянович ШАГУН,
полковник в отставке

Когда обращаешь память вспять, жизнь представляется чередой постигавших тебя одна за другой неожиданностей, главной из которых стала, конечно же, Великая Отечественная война. Встретился я с ней 18-летним студентом-первокурсником одного из московских институтов, когда с группой товарищей в июле 41-го добровольно надел форму курсанта 1-го Московского артиллерийского училища. Не случись войны, мне бы и в голову не пришло, что стану профессиональным военным.

Неожиданной стала для меня и обретенная боевая специальность. Начав военное образование в лоне традиционной ствольной артиллерии, я в феврале 1942 года получил первое командирское звание «лейтенант», будучи аттестован командиром взвода управления батареи (дивизиона) до того неведомых реактивных минометов «РС». Переучивание произошло на ходу.

И уж совсем нежданно-негаданно был направлен с несколькими другими выпускниками на... бронепоезда. Приняв взвод «РС» на вновь построенном муромскими железнодорожниками мощном бронепоезде «Илья Муромец», повоевав на нем от Мценска до Франкфурта-на-Одере, выпустив за три года по противнику по моим подсчетам около десяти тысяч реактивных «гостинцев» различного назначения, я вполне смирился с выпавшим мне жребием.

Неожиданности поджидали и после войны. Стал я уже начальником штаба отдельной части, но, не сумев преодолеть неутоленной тяги к гуманитарным знаниям, поступил в 1948 году заочно в существовавшую тогда Военно-юридическую академию. Окончил ее с золотой медалью в 1953-м, но, ввиду массового в те годы сокращения военной юстиции, юристом не стал, с преподавательской работой тоже не заладилось, и отправился я, куда не ожидал, но куда твердой рукой послали: на политработу в мотострелковые войска. И вновь потекла служба по неожиданному руслу.

Далеко я вроде ушел от командира-«эрэсовца», а в 1963 году вновь довелось услышать скрежет реактивных двигателей, хотя и совсем иных, чем в годы войны: стал я политработником в новом виде Вооруженных Сил — Ракетных войсках стратегического назначения. И прослужил в них последние двадцать два года из почти полувековой, войной начатой военной службы.

Война сформировала меня профессионально и нравственно как военного человека. Научила жить и служить «без дураков». В войну я учился по-настоящему любить, верить, ненавидеть, принимать и отрицать, смеяться и страдать, ценить подвижничество и самоотверженность, быть нетерпимым к трусости, корысти, лжи, иждивенчеству, безответственности и равнодушию, от которых один шаг до предательства. Война научила страстно любить жизнь во всех ее проявлениях, ощущать ее терпкий хмельной вкус. Может из-за того, что рядом постоянно находилась смерть.

Начало боевого пути в гвардейских минометных частях, являвших собой тогда последнее слово в области огневого дела, воспитало во мне чувство гордой ответственности за причастность к оружию, которое было ново, небывало эффективно, технически совершенно, в военном смысле — элитарно. Это помогло потом освоиться в РВСН, проникнуться их особым духом избранности. Обстановка в чем-то была схожей.

На политработе, которой пришлось заниматься последние десятилетия, поучающим примером оставались для меня фронтовые политработники военных лет, с которыми мне, командиру, приходилось вместе тянуть военную лямку. У них учился основам человековедения.

Именно они, фронтовые наши «комиссары» внушили мне, что без каждого из нас, без объединения наших сил не будет Победы. Обретение гражданского самосознания и веры в правоту нашего дела подавляющим большинством народа на фронте и в тылу, по моему глубокому убеждению, и стало залогом спасения Родины в постигшей нас неимоверно тяжелой войне. Я всегда с тех пор стремился убедить молодых сослуживцев, что без усилий каждого и без сплочения этих усилий ради высокой патриотической цели не может быть военного успеха и в мирное время.

Одним словом, минувшая 50 лет назад война с ее событиями и людьми, память о ней, сверка с ней наступившего потом не отпускали меня все прошедшие годы, не отпускают и поныне. Признаюсь, не хватает мне многого в нравственном климате нашего настоящего от того, теперь уже давно прожитого, горячего куска жизни.

О СЕБЕ И О НАС

Юрий Дмитриевич СОКОЛОВ,
полковник в отставке

НЕМНОГО О СЕБЕ

В сорок первом юным комсомольцем
Встретил я войну в шестнадцать лет.
Летчиком, курсантом, добровольцем
Получал я воинский билет.
На Кавказе воевал в пехоте,
Был разведчик рядовой в сорок втором.
В сорок третьем — снова я в полете,
Стал пилотом — дальним «ночником».
В год сорок четвертый над Либавой
Был я сбит и шел к своим один,
И хоть ранен был при переправе,
Вскоре полетел бомбить Берлин.
В День Победы нашей в сорок пятом
В двадцать лет закончил воевать.
Офицера, летчика, солдата
Обнимали Родина и мать.
Десять лет на северо-востоке
Потянулись, как большой полет,
В жизни след оставили глубокий,
Тот, кто там бывал, меня поймет.
А в Ракетных — с самого начала,
Родины мы создавали щит.
Пусть с тех пор и лет прошло немало,
Верю, что из нас никто не позабыт!

О НАС, ЮБИЛЯРАХ

Праздник этот истинно великий,
Как в песне — «со слезами на глазах».
Он дорог всей планете многоликой,
Живет он в человеческих сердцах.
В День Победы собирались
На двадцать, тридцать, сорок лет.
Со всей страны тогда съезжались
К местам сражений и побед.
И как нас радовали встречи,
Друг другу раскрывали мы сердца,
Торжественные перемежая речи
Веселой шуткой, как у Теркина-бойца.
Мы пели песни фронтовые
И пели созданные вновь
Про наши будни боевые,
Про юность нашу, про любовь.
Всегда торжественно—печально
Звучали памяти слова,
И мы бокалы поднимали . . .
Сама склонялась голова.
А время, канувшее в лета,
Уменьшило наш строй живых.
И каждый раз мы видим это
На наших встречах полковых.
И снова встретимся с Тобой,
Отметим вновь большую дату,
Я жду Тебя, мой Юбилей,
Слезу и радость Ты несешь солдату.

ВОЙНА МНОГОМУ УЧИЛА

Георгий Иванович
РОДИН,
полковник в отставке

На второй день войны мы — несколько ребят, еще в феврале подавших заявления о желании стать командирами Красной Армии, — были вызваны в военкомат. Через сутки уже были в Подольске: кто в пехотном, а кто — в пулеметно-артиллерийском училище. Я, конечно, во втором: мой дед, отец и два брата были артиллеристами. Учеба наша длилась недолго. К октябрю обстановка к западу от Москвы стала критической. Более чем трехтысячный отряд недоучившихся курсантов подольских училищ по тревоге был брошен за Малоярославец, где влился в сборную 43-ю дивизию на можайской линии обороны.

Противник ждать себя не заставил. Захватив Юхнов, он устремился на Малоярославец. Здесь мы и приняли свой первый, до обидного неравный бой. У него — танки, пехота на бронетранспортерах, авиация в небе с утра до вечера, а у нас — карабины, ручные гранаты да бутылки с горючей смесью. Но дрались мы самоотверженно. Успешно отразили несколько атак. Поджигали танки гранатами и зажигательными бутылками, расстреливали пехоту. Сами несли большие потери. Отходили на очередной рубеж и снова бились... Однажды увидели, что немецкие танки у нас в тылу. Мы были окружены. Несмотря на отчаянное положение, на вражеские листовки, предлагавшие сдаваться, отвечали огнем. Выручила нас дивизия сибиряков, выдвинувшаяся на наше направление. Потеряв многих, очень многих своих товарищей, измотанные до предела, мы были сняты с фронта и возвращены на доучивание, но уже не в Подольск, а в Бухару, куда эвакуировались подольские училища

Завершив ускоренный курс обучения, я снова оказался на фронте, под Сталинградом, но уже в должности командира огневого взвода артполка 196-й стрелковой дивизии. Бои шли пока на дальних подступах к городу. Там, за Доном, в составе легендарной впоследствии 62-й армии и дралась наша дивизия. Бои шли очень тяжелые. Вскоре я остался без лошадей, без орудий, с ополовиненными расчетами. Мне приказали принять командование стрелковой ротой. Это запомнилось надолго. Мы отражали яростные атаки противника, водил я свою роту и в контратаки. В качестве личного оружия у меня был не карабин, как под Малоярославцем, а винтовка со штыком, и я на деле познал, что значит «штыковой атакой опрокинуть противника». Этому не позавидуешь.

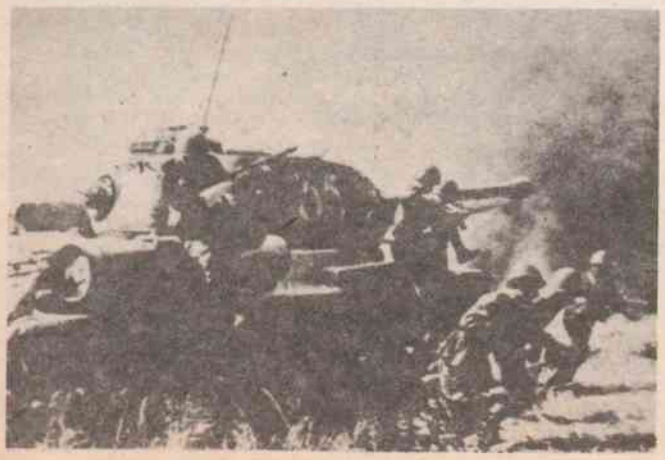
Во время очередной бомбежки меня тяжело контузило. Пока лечился — обстановка изменилась. Свою дивизию уже не нашел, хотя в 62-й армии остался. Она теперь вела бои в самом Сталинграде. Город горел. Уличные бои шли днем и ночью. Тяжелое осколочное ранение в лицо вновь вывело меня из строя. Опять госпиталь. Потом — на курсы командиров минометных батарей и после них — в минометный полк РГК в составе 25-го танкового корпуса под Курск. Курская битва была в самом разгаре. После тяжелых боев под Мценском наш корпус потерял боеспособность и был выведен на переформирование. В дальнейшем я в том же корпусе в должности командира батареи 459-го минометного полка освобождал Украину, Польшу, дошел до Берлина. Войну закончил по пути в Прагу. Закончил живым, за что благодарен судьбе.

Меня часто спрашивают о наиболее запомнившихся эпизодах моего боевого пути. Запомнилось их много, но наиболее памятны первые бои под Москвой. Нам было по 17—18 лет. Никакого у нас — ни боевого, ни жизненного опыта не было, военной выучки только успели понюхать, а как быстро стали настоящими солдатами! Как мы самоотверженно и упорно воевали! В полном смысле слова — стояли насмерть. Хотя смерть вокруг нас играла, как хотела.

В минометном полку был случай, когда нарушилась связь НП с ОП в момент стрельбы по контратакующему противнику. Прекратить огонь — преступление. Послал связиста — не дошел, второго — он струсил, укрылся в окопе. Побежал по линии сам, устранил повреждение и с этого места, не теряя ни минуты, подал команды. Промедлил бы — катастрофа, а такими действиями положение было спасено.

Не забудется и шквальный огонь своих по своим. Стрелковый батальон под натиском противника, оставив высоту, на которой был мой НП, открыл по ней ураганный пулеметно-артиллерийский огонь, полагая, что на нее уже ворвался противник, а меня там тоже уже нет. Мы же оставались там, и лупили по нам и противник, и свои, при этом свои — хлеще противника. Помню, как заплакал я тогда от беспомощности, видя, как ни за что ни про что гибнут мои ребята.

Война многому учила нас. И не только взаимодействию в бою. Она учила организованности, ответственному отношению к делу и к людям, к своим обязанностям. Война учила преодолевать трудности и не надеяться «на дядю». Эти качества мне, фронтовику, пригодились и после войны, когда довелось заниматься формированием ракетных частей, командовать подразделениями, работать в центральном аппарате РВСН. Фронтовой опыт многие годы помогал мне, содействовал успеху в работе.



ФРОНТОВИКОВ ГЛУБОКО УВАЖАЮ, ЧТУ И ПОКЛОНЯЮСЬ ИМ

Юрий Алексеевич
ЯШИН,
генерал армии

Задумываясь над «вечной» проблемой воинского воспитания личного состава, я, будучи уже зрелым командиром, часто вспоминал свою спецшколу, где учился в первые послевоенные годы. Командирами взводов и батарей, офицерами-воспитателями у нас были фронтовики — участники Великой Отечественной войны. Они воспитывали у нас, тогда еще пацанов, не только патриотизм, уважение к отечественной истории, нравственные принципы поведения, но и настойчиво добивались от каждого из нас понимания необходимости личной ответственности за все, что делаешь в своей пока юной жизни, за то положение, которое было предначертано нам как будущим офицерам.

Методически это достигалось не проведением специальных уроков, бесед и других «подходящих» для этого мероприятий, а исподволь, как бы само собой, в процессе учебы и повседневной жизни. Занимая место стреляющего на миниатюр-полигоне (а в бою это место — НП командира батареи), каждый из нас невольно беспокоился за результат «стрельбы», ибо он будет оценен руководителем по Правилам боевых стрельб. Аналогичная обстановка и в процессе строевой подготовки, занятий на спортплощадке, обучения преодолению штурмовой полосы и т. д. и т. п. Здесь, конечно, большое значение имеет наличие у самого командира-воспитателя чувства высокой ответственности за порученное дело, непреклонной требовательности и к себе, и к обучаемому, а также сила воли в достижении цели. У наших командиров-фронтовиков все эти качества были налицо. Без них на войне многого не достигнешь.

Мы, конечно, хорошо знали боевой путь своих командиров-воспитателей и испытывали к фронтовикам глубокое уважение, почтение и, я бы сказал, поклонялись им. У меня, признаться, эти чувства сохранились до сих пор. Может быть потому, что и в последующем, до определенного времени, в моей службе не было ни одного шага, когда не встречались бы мне фронтовики, не помогали бы мне, не воспитывали бы.

Как-то, вскоре после моего прибытия «для прохождения дальнейшей службы» в 3 ТГАБР 1-й гвардейской АДП, во внерабочее время мне встретился наш командир бригады полковник Цесарь. Ответив на мое приветствие, он о чем-то спросил меня, и у нас завязался разговор. Прохаживаясь, мы проговорили два часа. Правда, говорил, в основном, полковник, я лишь ответил на несколько его вопросов и слушал... Расспросив подробно о моей короткой и ничем пока не примечательной биографии, он кратко рассказал о себе, своей армейской службе, о войне. Обстоятельно остановился на особенностях службы в бригаде, рассказал о предстоящих делах, посоветовал, с чего и как мне начинать службу. Деликатно порекомендовал, как мне, холостяку, организовать свой быт.

Прошла наша беседа по-доброму, по-хорошему. Конечно, через какое-то время полковник может забыть нашу встречу: ведь для него это было обычное дело — изучать людей, помогать молодым становиться в строй, одним словом, растить кадры. А он, фронтовик, как никто другой, знает цену армейским кадрам.

А я в тот раз расстался с ним взволнованным его вниманием ко мне, молодому лейтенанту, и с чувством большой благодарности к отцу-командиру, фронтовику. Помню эту встречу до сих пор.

Прослужив в ствольной артиллерии лишь несколько месяцев, я неожиданно был переведен в ракетную бригаду, устраивавшуюся на полигоне Капустин Яр. Не успел как следует освоиться, получаю задачу — перегнать колонну автомашин из Капъяра в Камышин. Благополучно совершив 300-километровый марш вдоль левого берега Волги, к ночи 12 января 1951 г. колонна прибыла в Николаевку. Камышин — на противоположном берегу. Я впервые в этих местах, решил ночью не переправляться по льду через Волгу. Стал раздумывать, как организовать ночлег в эту морозную ночь. Вдруг подъезжает «газик», открывается дверца, и из машины энергично выскакивает военный в бекеше и в лихо заломленной папахе. «Я — полковник Григорьев». Выслушав мой доклад, говорит: «Я поздравляю тебя, лейтенант, с успешным переходом. Пошли!» Мы вышли к Волге, он показал мне обозначенный вехами путь через нее. Через полтора часа мы были в Камышине. Так произошла моя первая встреча с командиром первой боевой ракетной бригады — 23 БОН. В последующем мне много лет довелось с ним служить в РВСН. Рассказать о нем есть что. В прошлом номере «В—Р» опубликован о М. Григорьеве хороший очерк. Думаю, это не последний рассказ о Михаиле Григорьевиче.

А тогда, в Камышине, устраиваясь после марша на отдых в теплой комнате, я подумал: «Что значит фронтовик — знает, когда мы нуждаемся в его помощи».

ФРОНТОВИКАМ Я ОБЯЗАН

Юрий Александрович
КУДРЯВЦЕВ,
полковник в отставке

Наша страна отмечает одну из знаменательнейших дат в своей истории — 50-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Память народная оплакивает павших и зовет живых к свидетельству о трагических и геройских днях всенародного ратного подвига. Вот и я хочу сказать свое слово о том, что значили в моей жизни, жизни человека, по молодости лет не успевшего на войну, те, кого уважительно зовем сегодня ветеранами Великой Отечественной.

Я принадлежу к тем, кого называют сегодня «дети войны», «поколение войны» (мне было 8 лет, когда началась война). Война воспринималась мной, сибирским мальчишкой, такой, какой была она в далеком военном тылу: нечеловеческое трудовое напряжение в основном женщин и моих быстро повзрослевших сверстников, эшелоны с техникой и войсками на фронт и ранеными с фронта, слезы под оркестр на все новых и новых проводах мужчин на войну, материнские и вдовьи рыдания над слетавшимися в наши края похоронками, да еще — голод, холод, нужда. Но хранит детская память и другое — фронтовиков, искалеченных войной, возвращавшихся в родные места. Разные были среди них люди, но мне запомнились лучшие, которых было большинство. Они несли с собой что-то такое, что помогало другим переживать лихую военную пору. Они показывали пример, как следует относиться к трудностям, приспосабливаться к любой обстановке, и, казалось бы, из ничего добывать по крупицам благополучие для окружающих.

Помню, как, вернувшись без оторванной снарядом ноги, наш сосед завораживал нас, мальчишек, рассказами о фронтовых буднях, о боях, о боевых товарищах. И главное, что выносили люди, слушая подобные рассказы фронтовиков, — это уверенность в том, что, несмотря ни на что, победа обязательно будет за нашим народом. Поднималось настроение, неизвестно откуда прибавлялись силы. Помощь фронту даже для нас, малолеток, становилась законом жизни. Может быть еще тогда, в далекие военные годы, в общении с фронтовиками рождалось и крепло в детских наших душах чувство восторженного преклонения перед профессией защитника Отечества. Многие из нас, подобно мне, посвятили этому потом свою жизнь.

Признаюсь откровенно, не боясь обвинений в излишнем пафосе, что я благодарен судьбе за то, что все мое становление как военного специалиста с самого начала шло под руководством и влиянием участников Отечественной войны. В военном училище ими было большинство преподавателей, учивших нас не только военному делу, но трудолюбию, скромности, преданности избранному в жизни пути. В части, куда я пришел лейтенантом, мой непосредственный начальник командир батареи капитан Голубев, а также командир дивизиона подполковник Багор были фронтовиками. У них я прошел школу высокой ответственности за порученное дело, подлинного войскового товарищества, умения находить душевный контакт с подчиненными.

В военной академии начальник курса полковник Скворцов — участник Отечественной, своей личной собранностью и душевной открытостью подавал нам пример и как бы говорил, какими надо быть. После академии в ракетной дивизии, где продолжалась служба, моими наставниками опять-таки оставались участники войны: командир дивизиона подполковник Баженов, командир полка полковник Островский, зам. командира дивизии Иван Петрович Воробьев — всем им я очень благодарен за пример и за науку, за помощь.

Непохожими друг на друга людьми были встретившиеся на моем жизненном пути ветераны. Но всех их отличала скромность, они никогда не подчеркивали ни своего участия в войне, ни своих боевых заслуг, ни своего превосходства в знаниях и умении.

Особенно памятны мне мои начальники по работе в центральном аппарате РВСН — участники войны полковники Георгий Иванович Родин и Николай Изосимович Мельков. Они по сути — мои крестные отцы в новой для меня на первых порах функции аппаратчика-управленца. Они научили меня всему, не забывая о контроле за тем, как у меня идут дела. От них я получал умные, спокойные советы и повседневную практическую помощь. Не было шума и крика, когда что-то не получалось. Умение организовать работу так, чтобы хотелось работать, вот что отличало этих заслуженных и авторитетных людей. Продолжая после увольнения работать в военной организации, я с сожалением и тревогой наблюдаю, как убывают перечисленные качества у некоторых из нынешнего офицерского поколения. Как не хватает подчас того, что присуще было фронтовикам. Почему теряем добытый такой дорогой ценой опыт? Не нахожу ответа на этот вопрос.

В торжественные дни юбилея Победы я желаю всем участникам войны крепкого здоровья, посильной активности в решении наших нынешних дел, в передаче того, что они знают и умеют, молодежи. Молодые ракетчики не теряют пусть традиций, заложенных при создании РВСН. У их истоков стояли ветераны Великой Отечественной войны.

Всем ветеранам сердечные мои поздравления с праздником и низкий благодарный поклон.

РАКЕТЧИКИ-ПЕРВОПРОХОДЦЫ БЫЛИ ФРОНТОВИКАМИ

Вообще стратегическим ядерным силам повезло. Фронтовики первыми осваивали ракетно-ядерное оружие, создали РВСН и обеспечили военно-стратегический паритет между СССР и США.

Офицерские кадры военных лет активно участвовали в подготовке и проведении испытаний ядерного оружия, осуществлении с полигонов пусков ракет средней и межконтинентальной дальности.

На базе прославленных в годы Великой Отечественной войны артиллерийских и авиационных частей, соединений и объединений под руководством фронтовиков создавались ракетные бригады, дивизии, отдельные ракетные корпуса и ракетные армии. Они вооружались ракетами средней и межконтинентальной дальности, оснащенными ядерными головными частями.

Уже в 1946 году было сформировано первое в Советской Армии ракетное соединение — бригада особого назначения РВГК, которую возглавил опытный фронтовик генерал-майор А. Ф. Тверецкий.

Бригада получила по преемственности почетные наименования и награды 92-го гвардейского минометного полка, на базе которого она формировалась. Через некоторое время она стала именоваться так: 22-я особого назначения Гомельская ордена Ленина, Краснознаменная, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригада РВГК. Впоследствии бригадой командовали заслуженные фронтовики — Герой Советского Союза генерал-майор артиллерии В. Н. Иванов и полковник А. И. Холопов. В период образования и становления РВСН (1960—1965 гг.) двум отдельным ракетным корпусам, 29 ракетным дивизиям, 40 ракетным полкам были переданы почетные наименования и правительственные награды частей и соединений, на базе которых они формировались. Многим ракетным соединениям и частям передано звание гвардейских. В их числе в 1960 году развернуты ракетные соединения РСД: гвардейская ракетная Орловско-Берлинская ордена Ленина, Краснознаменная дивизия (Волга), гвардейская ракетная Витебская ордена Ленина, Краснознаменная дивизия (Шауляй), гвардейская Свирская Краснознаменная, орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского дивизия (Мозырь) и ряд других прославленных дивизий в городах Гвардейске, Пружаны, Поставы, Луцке, Коломне.

Вслед за этим в 1961 году развертываются гвардейские ракетные соединения МКР: Глуховская ордена Ленина, Краснознаменная, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизия (Новосибирск), Ражицкая Краснознаменная дивизия (Выползово), Мелитопольская Краснознаменная дивизия (Юрья), Краснознаменная, ордена Суворова дивизия (Кострома). В этом же году были сформированы другие ракетные дивизии, имеющие не менее высокие награды и почетные наименования, в составе отдельных ракетных корпусов (Хабаровск, Чита, Омск, Киров, Владимир).

РВСН в разные годы возглавляли известные военачальники Великой Отечественной войны: Герой Советского Союза Главный маршал артиллерии М. И. Неделин, дважды Герои Советского Союза Маршалы Советского Союза К. С. Москаленко и Н. И. Крылов, Герой Советского Союза Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, Герой Социалистического Труда Главный маршал артиллерии В. Ф. Толубко, Герой Советского Союза генерал армии Ю. П. Максимов.

В состав Военного совета РВСН входили заслуженные фронтовики-политработники генерал-лейтенант авиации И. А. Лавренов, генерал-полковник Н. В. Егоров, Герой Советского Союза генерал-полковник П. А. Горчаков.

Главный штаб, ракетные армии и корпуса также возглавляли генералы, прошедшие Великую Отечественную войну: М. А. Никольский, М. А. Ловков, Ф. И. Добыш, Г. Н. Тупиков, П. Б. Данкевич, М. Г. Григорьев, А. Д. Мелехин. Ю. П. Забегайлов, К. В. Герчик, А. И. Холопов, А. А. Колесов, П. Т. Губарев, И. Т. Шмелев, А. И. Колотий, Герои Советского Союза А. Г. Шевцов, В. М. Вишенков, С. Ф. Штанько, И. А. Шевцов, Д. А. Медведев.

Абсолютное большинство командиров ракетных бригад, полков и дивизионов, командиров частей специальных войск также составляли участники Великой Отечественной войны. Невозможно в рамках газетной статьи перечислить всех, назовем только некоторых из них: П. В. Колесников, Ф. П. Тонких, Т. Н. Небоженко, М. Е. Шубный, М. М. Чумак, А. Н. Дидык, Л. С. Гарбуз, С. Ф. Генералов, В. А. Абрашкевич, Б. М. Спрысков, Кураков, Герой Советского Союза Теодорович, С. И. Сорокин, Бондарев, П. И. Салько, А. А. Геленко, Л. И. Шурхай.

Особо трудная роль в освоении ракетно-ядерного оружия, создании уникальных стартов, обустройстве войск и постановке их на боевое дежурство легла на плечи начальников ракетных полигонов и командиров дивизий первого поколения, среди которых В. И. Вознюк, А. И. Нестеренко, Герой Советского Союза Г. Е. Алпаидзе, Д. Д. Агеев, М. Е. Артюх, М. С. Бурмак, К. М. Воробьев, Г. Д. Гаврилов, К. Ф. Глушич, П. П. Уваров, Герои Советского Союза П. А. Гнидо, И. Г. Тюрин, Н. К. Спириденко, дважды Герой Советского Союза А. П. Шилин, Н. И. Дряхлых, И. П. Горбунов, А. И. Савельев, В. И. Мельник, З. Т. Иванов, А. Т. Харченко, Ф. Л. Чернявский и многие другие. В РВСН проходили службу 80 Героев Советского Союза, большое число военнослужащих, награжденных в годы Великой Отечественной войны боевыми орденами и медалями.

Первопроходцы ракетчики-фронтовики личным примером вдохновляли молодых офицеров, солдат и сержантов при освоении новых мест в Заполярье и полупустынях Юга, в таежных массивах Урала, Сибири и Дальнего Востока, в Европейской части Советского Союза. Начиная с нуля в безлюдных краях, в условиях бездорожья, в лютую стужу и знойную жару, при полной бытовой неустроенности — поистине во фронтовых условиях — создавались уникальные стартовые сооружения, осваивалось современное стратегическое оружие и ставились на боевое дежурство первые ракетные полки МКР и РСД, строились жилые городки ракетчиков. Благодаря этим усилиям, неоценимому вкладу офицерских кадров военной поры в становление и развитие РВСН в начале 70-х годов был достигнут военно-стратегический паритет между СССР и США, была расчищена дорога к Договорам СНВ и окончанию «холодной войны».

Сегодня Главное командование и весь личный состав РВСН свято хранят высокие традиции стратегических ракетчиков, заложенные ветеранами Великой Отечественной, помнят о своих отцах и дедах и бдительно несут боевое дежурство у стратегических ракет — надежного ракетно-ядерного щита нашего Отечества.

Генерал армии Ю. А. ЯШИН

Участник Великой Отечественной войны
генерал-майор А. А. ДМИТРИЕВ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ВЕТЕРАНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СВР

Продолжаем знакомить читателей с ветеранскими организациями Союза ветеранов-ракетчиков. Кто следующий? Пишите.

ВЕТЕРАНЫ УПРАВЛЕНИЯ КОМПЛЕКТОВАНИЯ

● В ветеранской организации Управления комплектования до 500 человек, из них 38 участников Великой Отечественной войны — И. А. Аверьянов, С. В. Абрикосов, Е. Ю. Лановенко, И. П. Васильев, В. В. Павлов, С. И. Мотычко, Б. П. Зуев и др. Многие ветераны проработали в службе МТО войск и Управления 30 и более лет. Среди них М. Н. Логвинов, И. В. Лобода, И. М. Воронков, В. И. Медведев, В. Г. Субботин, Ю. Т. Кухарев, В. В. Копченов, В. А. Маковский, В. И. Петров, А. Я. Федоров, Н. И. Савельев, А. Ф. Колиниченко, В. М. Крыпин и др.

● Командование и Совет ветеранов ежегодно проводят совместные встречи ветеранов и офицеров Управления, которые способствуют укреплению преемственности поколений, улучшению морального климата в коллективе.

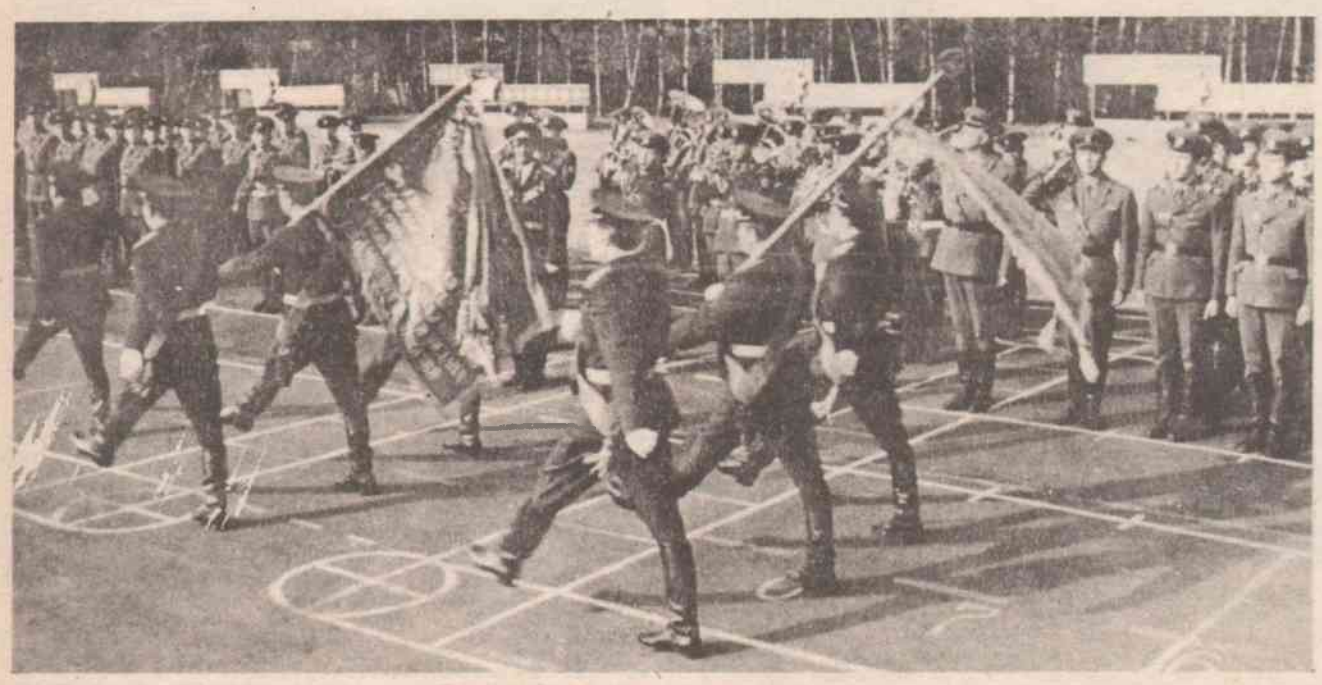
● Встречи имеют, как правило, тематическую направленность, на них приглашаются представители других управлений РВСН и Министерства обороны Российской Федерации. С особым интересом прошли встречи с участником Великой Отечественной войны генерал-полковником в отставке Героем Социалистического Труда Г. Н. Малиновским, Героем Советского Союза генерал-майором В. В. Бутылкиным.

● Возглавляет ветеранскую организацию Управления Совет в составе 9 человек. Председатель Совета — заместитель начальника Управления полковник С. В. Давыдов.

● В настоящее время славные традиции коллектива Управления по поддержанию боевой готовности и жизнедеятельности РВСН в непростых условиях финансовой нестабильности достойно продолжают Ю. А. Приходченко, В. П. Тыклюк, А. Н. Сапельник, Д. Н. Беликов, Е. Н. Смирнов, Ю. И. Савчук, А. Г. Мазыкин, С. А. Кочоян, А. А. Лекаркин, А. А. Ананьев, В. А. Бурлаченко и многие другие.

● Время идет, уходят в запас офицеры-ветераны, но остаются традиции, остается коллектив.

Начальник Управления
генерал-майор В. МЕЛЕШКО



ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Редколлегия выражает благодарность авторам воспоминаний и размышлений о фронтовых буднях Великой Отечественной войны за предоставленную возможность их публикации в нашей газете.

Особую признательность редколлегия выражает коллективу ЦИПК, подготовившему к изданию и издавшему в сжатые сроки праздничный номер газеты.

НОВЫЕ КНИГИ

«Стратеги» К. Раша

К 35-летию РВСН, отмечавшемуся в декабре 1994 года, вышла в свет книга Карема Раша «Стратеги». По своему содержанию книга эта — явление беспрецедентное. Никто никогда еще так раскованно и открыто о наших войсках, долгое время прикрытых многослойным щитом секретности, не писал. Никто не писал о них и столь восторженно. Книга написана в излюбленном автором синтетическом жанре, когда под одной обложкой — терпкая смесь из отечественной истории, военно-политической публицистики, популяризации научно-технических знаний, богословия и краеведения, несчетных биографических сообщений о соотечественниках — предках и современниках.

Не всегда и не во всем, может быть, соглашаясь с автором, читатель-ракетчик, не говоря о читателе «гражданском», прочтет эту книгу с увлечением, как явившееся миру «откровение» о ракетных войсках.

В дни 50-летия Победы актуальны некоторые мысли автора о роли ветеранов Великой Отечественной войны в становлении РВСН. Приводим несколько цитат из книги.

«Народ медленно, надрываясь, поднимал из развалин страну, и пассионарный заряд энергии, полученный у поверженного рейхстага, помог нации на последнем усилии сделать самый крупный в истории технологический прорыв со дня рождения Христа. Сыновний долг офицера-ракетчика — знать, из каких усилий и страданий родилось ракетное оружие и каким подвижническим, скромным и беззаветным служением офицеров-фронтовиков и их сыновей удалось овладеть этим принципиально новым оружием».

«Под стать небывалой технике был и офицерский корпус — гордость Ракетных войск. Ядро офицеров составили фронтовики гвардейских минометных бригад... В качестве легирующих добавок к этому фронтовому сплаву ввели «кадетов» — выпускников суворовских и специальных артиллерийских школ — лучшее, что имела страна. Это были сыновья фронтовиков... Оба поколения были достойны друг друга и вышли из горнила войны».

«От командиров батарей и до маршала Неделина командные кадры имели фронтовой опыт. Он был бесценен для прорыва в новое качество, где в бедной разрушенной стране вновь понадобились стойкость к лишениям, как на войне, и готовность выполнять приказ в любых обстоятельствах».

«...в 40-х годах армия была самой здоровой частью общества. Тайна ее братства и здоровья была вынесена из военного пламени. Из Европы вернулись молодые и «каленые» офицеры. Не случайно эта армия четверть века после войны не знала «дедовщины». Фронтовики ее выжели бы мгновенно и беспощадно.

Эти-то фронтовики, новые «золотопогонники», и воспитали в 60-х годах поколение офицеров, которое создаст ракетные войска стратегического назначения. Фронтовики принимали на себя удары режима, гасили всплески молодых, оберегали их по-отцовски».

Г. Ш.

ВЕТЕРАН-РАКЕТЧИК
Информационный вестник Совета СВР

Учредитель: Совет СВР

Газета зарегистрирована
в Мин. печати и информ. РФ
Рег. № 012332 за 1994 г.

Редактор
В. ПЕРЕЙМА
Редколлегия:
А. ДМИТРИЕВ
В. МАЛАШЕНКОВ
Н. МОНАХОВ
Г. ШАГУН

Адрес редакции:
143010, Московск. обл.,
г. Одинцово-10,
в/ч 33203, для «В—Р»

Отпечатано в ЦИПК
Зак. 247